

Николай Семенович Лесков

Внутреннее обозрение

Содержание

<ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРЕНИЕ> С.-Петербург, суббота, 31-го марта 1862 г.	0005
<ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРЕНИЕ> С.-Петербург, суббота, 10-го марта 1862 г.	0021
<ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРЕНИЕ> С.-Петербург, среда, 14-го февраля 1862 г.	0042
<ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРЕНИЕ> С.-Петербург, понедельник, 19-го марта 1862 г.	0052
<ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРЕНИЕ: ВЕСЕЛЫЙ РУССКИЙ ЖУРНАЛ> С.-Петербург, суббота, 3-го марта 1862 г.	0076
<ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРЕНИЕ: ЕСТЬ ЛИ У НАС ПАРТИИ?> С.-Петербург, воскресенье, 18-го марта 1862 г.	0084
<ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРЕНИЕ — ОКОНЧАНИЕ 60-ЛЕТНЕГО СРОКА ПРИВИЛЕГИЙ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ КОМПАНИИ ОБЗОР АМЕРИКАНСКИХ КОЛОНИЙ: ЛЮДИ, СТРАНА, БОГАТСТВА, НРАВЫ И ПРОЧ. ЧТО НУЖНО ДЛЯ ВОЗЗВАНИЯ НАШИХ КОЛОНИЙ К НОВОЙ ЖИЗНИ?> С.-Петербург, суббота, 17-го февраля 1862 г.	0096
<ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРЕНИЕ: СПОР О ПРАВАХ И ЗНАЧЕНИИ РУССКОГО ДВОРЯНСТВА. — МЫСЛИ О ЕГО «ТОРЖЕСТВЕННОМ» УНИЧТОЖЕНИИ В	

НЫНЕШНЮЮ ПОРУ. — МАНЕРА ВСЕ ДОВОДИТЬ ДО КРАЙНОСТИ. — НАШЕ МНЕНИЕ ПО ДВОРЯНСКОМУ ВОПРОСУ> С.-Петербург, пятница, 16-го февраля 1862 г0125
<ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРЕНИЕ>0139
<ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРЕНИЕ>0147
<ВОЛОНТЕРЫ> С.-Петербург, суббота, 2-го июня 1862 г0160

Николай Семенович Лесков

<ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРЕНИЕ>

С.-Петербург, суббота, 31-го марта 1862 г

МЫ в свое время, еще минувшею осенью, доводили до сведения наших читателей, опираясь на печатные протоколы разных губернских по крестьянским делам присутствий, что между помещиками нашими пущена была кем-то в ход мысль, что составление уставных грамот следовало бы отложить до осени текущего года, то есть почти на целый год отдалить срок, назначенный для того высочайше утвержденным 19-го февраля 1861 г. положением. Грамоты действительно в свое время представлены не были, и правительство нашло для себя необходимым указать землевладельцам некоторые облегчительные по этому предмету меры. Когда дело было еще внове, крестьяне так и рвались поскорее порешить прежний барщинский быт и только о том во многих местах и мечтали, как бы поскорей снабдили их уставными грамотами. Но дорогая минута прошла, и вот теперь пра-

вительство, официальными статьями, извещает публику, что эти самые крестьяне от подписи уставных грамот отступаются. Что этому служит действительною, разумною причиною — непонятно. В отношении замедления подачи грамот помещики с своей стороны оправдывают самих себя изречением, что время — лучший советник человеку, а крестьян бесцеремонно клеймят названием бунтовщиков, хотя бунтовщики эти на каждом шагу только и твердят одно: «Что батюшке Царю угодно, то мы и станем делать: всем сердцем желаем быть подписаны под Царя!» Но к грамотам рук не прикладывают. Помещики, в разных местах, выжидают времени и стараются высматривать, что станут делать их соседи; крестьяне тоже мнутя и тоже поджидают, что станут другие делать. Недоверие ли тут кроется к прежним помещикам и вообще к крепостному праву, нетолковитость ли к восприятию сущности дела, смуты ли дурных людей, беглых солдат и переодетых монахов, которых земские полиции ловят на деле, при их толкованиях крестьянам, чтоб они грамот не подписывали, только крестьяне теряются

и сами, кажется, не понимают, почему грамот не подписывают.

Мы передавали читателям все доходящие до нас сведения о тех радостных явлениях, которые во многих местах характеризуют правильные, честные отношения иных помещиков к бывшим своим крепостным людям; мы с горячею готовностью каждый раз спешили передавать каждый случай, служивший отрадным подтверждением доброго и мирного исхода дела, но вместе с тем мы откровенно высказались, что ближайшее знакомство с печатными документами не позволяет нам поднять руки, чтоб написать какую-нибудь обвинительную фразу против крестьянства. По крайнему и чистосердечному нашему разумению, обвинение или даже упрек в медлительности дела, составляющего одну из существенных забот нашего правительства и дум целого народа, менее всего должно падать на крестьянство. Барский, командирский тон иных помещиков, их недружелюбие и высокомерие, козни управителей и приказчиков, а в иных случаях пристрастность и односторонность взгляда мировых лиц, уловки и тай-

ные замашки местных и заезжих чиновников, а главное, темные, мутные взгляды самого крестьянства на будущность и плохое, по безграмотству, знакомство с радикальными реформами, с благими преобразованиями, которые правительство готовит уже для народа — вот, полагаем мы, причины, хоть сколько-нибудь объясняющие положение нашего простолюдья, не знающего, что ему теперь предпринять и для чего именно нужно ему прилагать руку к бумаге, которою — так говорит он — быть может, навеки себя снова закабалит.

Много фактов мы встречаем и отрадных, много и безотрадных по крестьянскому делу. Приведем несколько случаев, объясняющих отчасти ход дела в том или другом уголке нашего отечества, по актам, доставленным нам с последними почтами.

Мировой посредник г. Башкатов довел до сведения орловского губернского присутствия о положении дел в его участке, в Ливенском уезде, к новому году. Вот основные черты его отчета: 1) Все возникшие между помещиками и временнообязанными крестьяна-

ми неудовольствия постепенно уничтожались. Теперь во всех имениях водворено доброе между обеими сторонами согласие. Накопившиеся, до открытия сельских обществ, за крестьянами недоимки по работам частью прощены помещиками, а частью отработаны крестьянами осенью. 2) По причине продолжительных дождей и обязательной работы уборка хлебов производилась медленно; во всех помещичьих имениях хлеба оставались в поле до октября, а потому и возили его с поля сгнивший, а частью проросший. Свой хлеб крестьяне свезли с полей гораздо ранее; убытков они потерпели сравнительно менее, а прилежные из них получили большие заработки. 3) В начале сентября сельским старостам отданы были приказания о вносе податей: к 20-му октября все было исполнено, и теперь за крестьянами нет недоимки ни копейки. 4) Школы сельские заведены во всех приходах. 5) Магазиновый хлеб почти весь засыпан. 6) Во всем участке не было ни одного уголовного преступления. Один из пензенских посредников свидетельствует, что крестьяне просят только вразумительнее объяснить им

условия выкупа усадебной оседлости, а входя в пространные объяснения по сему поводу, доказали основательное знакомство с сущностью законоположений о крестьянах и откровенно объявили, что сторонние люди немало пугали их опасностью быть сосланными на поселение в Сибирь, если войдут в добровольные соглашения с помещиками.

Но наряду с этими вестями вот и другие вести. Мировой посредник Панин сообщил дмитровскому мировому съезду, что, когда он прибыл в имение графа Кушелева-Безбородка, в деревню Лубенки, для проверки уставной грамоты, то крестьяне объявили, что они ни сами не станут ни под чем подписываться, ни других на это не уполномочат. Мировой съезд вызвал крестьян в свое заседание, но они и тут объявили, что они оброк будут платить до времени, но никаких бумаг подписывать не будут и уполномочивать на это никого не станут. Причин этого нежелания они объяснить не умели, а все разъяснения мирового съезда не имели никакого успеха. Дело дошло до губернского присутствия, которое, имея в виду ст<атью> 36-ю прав<ил> о пор<ядке>

прив<едения> в дейст<вие> полож<ения>, на-
шло, что участие крестьян в составлении
уставной грамоты нисколько не обязательно
ни для них, ни для владельца. В настоящее
время, когда из многих мест получаютс я све-
дения о том, что крестьяне большею частью
избегают изъявления какого-либо согласия,
употребление силы не только не вразумит их,
но еще более может послужить поводом для
дальнейшего с их стороны сопротивления. По
49-й статье тех же правил, один поверочный
акт должен быть подписан крестьянами, ко-
гда они не предъявят законных возражений
при прочтении уставной грамоты: но если и в
этом случае они отказываются от подписи, то
и тогда требование подписки не должно быть
сопряжено ни с какими угрозами или строги-
ми мерами. Остается только внушить кре-
стьянам, что, несмотря на их отказ подписать
грамоту или поверочный акт, все повинно-
сти, установленные в грамоте, как основан-
ные на положении 19-го февраля, должны
быть строго соблюдаемы и исполняемы бес-
прекословно!

Конечно, такое решение и дельно, и разум-

но, и вполне гуманно. В другой деревне, в Сергеевой, того же помещика, крестьяне, призванные в мировой съезд по случаю отказа от принятия копии с уставной грамоты, на спрос о причине объявили, что списка с грамоты они принять не желают, потому что не понимают ничего, что в нем написано, а хотят быть подписаны под Царя и получить надел по Цареву указу. На мировом съезде им прочитали грамоту, разъяснили каждую ее статью и объяснили все статьи положения, на основании которых она составлена; но крестьяне устоялись на своем: «Рук не приложим, списка не берем, подписок не даем, станем платить оброк до времени, как Царь указал!» Все убеждения съезда были безуспешны. Орловскому губернскому присутствию осталось одно: «предоставить начальнику губернии сделать по сему предмету зависящее распоряжение».

По поводу возникших и в других губерниях вопросов, как поступать в подобных случаях, высочайше утвержденным положением главного комитета об устр<ойстве> сел<ьских> сост<ояний> узаконяется: «1) В

случае уклонения крестьян от составления приговора об избрании уполномоченных для выслушания грамоты, участия в поверке оной и подписания о том акта, мировой посредник может, не требуя от общества составления приговора о выборе уполномоченных, или предложить обществу, в присутствии добросовестных, чтобы оно заявило посреднику лично на словах об избранных уполномоченных, или же приступить к поверке грамоты посредством опроса крестьян и добросовестных из соседственных селений, в присутствии схода. 2) В случае отказа добросовестных от подписи акта о поверке грамоты мировой посредник, не утверждая и не вводя в действие уставной грамоты, должен представить оную в уездный мировой съезд вместе с актом о поверке, подписанным им самим, помещиком или его доверенным; мировой же съезд распоряжается немедленным вызовом к себе бывших при поверке грамоты добросовестных и затем, допросив их о ходе дела по поверке уставной грамоты, для убеждения в правильности поверочных действий, и объяснив значение их подписи, предлагает подпи-

сать акт; если они, несмотря на сделанные им внушения, снова откажутся, без законных причин, от таковой подписи, то о сем делается надпись на самой уставной грамоте, за подписью всех присутствовавших членов мирового съезда, и вместе с тем мировой съезд распоряжается: во-первых, о наложении на добросовестных взыскания, согласно 30 ст <атье> положения о губернских и уездных по крестьянским делам учреждениях, и, во-вторых, о введении в действие уставной грамоты, если она не подлежит утверждению губернского присутствия; и 3) Если крестьяне отказываются от принятия копии с грамоты, то надлежит прочитывать ее крестьянам на полном сходе и требовать неременного исполнения всего изложенного в грамоте, а затем копия с грамоты, по усмотрению мирового посредника, хранится или при его делах, или в волостном правлении, впредь до востребования оной крестьянами».

На другом конце России повстречались частные случаи другого рода. Заводовладелец Н. М. Пашков выдал заводским служителям, на праве дворовых людей, 63 увольнитель-

ные акта. Некоторые из уволенных, записанные по десятой ревизии в одном семействе, заявили желание приписаться к разным условиям. Такое своеволие привело, как кажется, в недоумение местного мирового посредника. Он обратился в оренбургское губернское присутствие с вопросом: смеют ли дворовые люди, состоя в одном семействе, приписываться куда пожелают? От такого раздробления они, пожалуй, могут избежать рекрутской повинности! Губернское присутствие ответило ему коротко и ясно, что не его дело входить в рассмотрение раздробления семейств, да и рекрутская повинность тоже до него не касается.

На шильвинском заводе купца Подьячева, на зайчешминских рудниках рабочие живут в землянках, зимой без печей; дым от топлива стелется по жилью слоями и проходит в отдушины потолка только по совершенном сгорении дров. Надо заметить, что о человеческом размещении рабочих заводом делаемы были уже неоднократно «строжайшие» предписания не низшим, а высшим начальством, то есть губернским присутствием, уральским

горным правлением, оренбургским генерал-губернатором и самим министром финансов; но эти «строжайшие» предписания все как-то плохо действовали: у купца Подъячева, конечно, во исполнение их, уж и лес был подготовлен, но он вот два года лежит, а к постройке казарм приступлено не было, «по неимению излишних заводских сумм». Оренбургское губернское присутствие, найдя, что лишение рабочих всех удобств и помещение их в сырых землянках весьма вредно для их здоровья, велело объявить управлению шильвинского завода, что пока оно не выстроит совершенно удобных казарм для своих горнорабочих, до тех пор ходить на рудники для них не обязательно; захотят ли они работать или не захотят, это уж предоставляется собственному их благоусмотрению и расчету.

Мы уж имели случай передать нашим читателям род легенды о помещике фон Ренне, которого калужское присутствие, за оскорбление сана и личности мирового посредника, предало на обсуждение местного уездного суда. Недавно г. фон Ренне напечатал в газетах род отповеди или протеста, в котором ссыла-

ется на остзейское происхождение, на бытность в военной службе и на лишение в войне руки, выражает, кажется, ту мысль, что напечатанием протокола, в котором трактуется о его проступке против посредника, нанесено ему, г. фон Ренне, публичное оскорбление. Мы первые, конечно, перепечатали бы оправдание господина калужского землевладельца, если б в его строках нашли хоть что-нибудь, что служило бы для него извинением: мы помним только одно, что он назвал посредника почти возмутителем общественного спокойствия, провозглашателем социалистических идей и укорял в последнее время какою-то желтенькою книжкою, как будто бы служащею источником всякого беззакония. Недавно повторилось подобное же неуважение к посреднику в Смоленской губернии со стороны духовщинского помещика Дехтерева и еще, кажется, не помещика, а мужа помещицы Дехтеревой. Все дело, сколько можно догадываться, возникло из-за дров. Крестьяне просили у него топлива, г. Дехтерев им не дал; между тем зима, холодно; мужики и пошли искать правды к посреднику. Тот объяс-

нил г. помещику, что просьба крестьян по закону, по 6-й и 49-й статьям мест<ного> пол<ожения>, должна быть удовлетворяема впредь до введения в действие уставной грамоты. Случились и побочные обстоятельства и недоразумения, и вот г. Дехтерев, в письме к посреднику, выражается следующими фразами: «Ваши идеи, Платон Николаевич, не подлежат ни одной из статей высочайше утвержденного положения. Вы, как дворянин, обязаны действовать по долгу совести, а как посредник обязаны быть справедливыми: а так ли выходит на деле? Скажите: правы ли вы по закону? Конечно, нет; а по совести и того меньше! Вы советуете всем читать высочайшее положение, а сами, читая, понимаете ли его?...» Смоленское губернское присутствие, разобрав во всей подробности обстоятельства, послужившие поводом к такому пререкательству, признало действия посредника вполне правильными и во всем с законами согласными, о проступке г. Дехтерева, заключающем в себе оскорбление служебного лица и письменное обвинение его в действиях, противных и совести и законам, пере-

дало в губернское правление.

Со всех сторон, по крайней мере нередко, слышатся жалобы на препятствия и мелочные помехи, делаемые земскою полицией мировым посредникам. Земская полиция, конечно, очень зла на все мировые учреждения, и прежнее благодатное для иных время ушло безвозвратно; сверху раздаются громы, и строго предписывается исполнять безотговорочно то, к чему полицию будут приглашать посредники, но все-таки пикировка становых и исправников доходит местами до несообразностей забавных, но вместе с тем и при-скорбных. Так, в Тамбовской губернии, в Темниковском уезде, носилась молва об убийстве одного крестьянина. Крестьянин действительно пропал, и никто не мог узнать наверно, что такое с ним случилось. Толки об убийстве стали слышнее. Мировой посредник поспешил дать предложение становому приставу сделать розыск «о пропаже человека». Становой обиделся: ему дано «предложение»! Задели его амбицию! Что он, подчиненный что ли какой для посредника? Становой сам «ваше благородие» и в зависимости от по-

средника ни в какой не состоит. Становой рассердился не на шутку; бац! целиком предложение представил в земский суд для надлежащего распоряжения. Земский суд, вместо того чтоб действительно сделать распоряжение о розыске по горячим следам, тоже увлекся амбицией и обиделся неформенностью сношений, и ровно ничего не сделал. Дошло дело до губернского правления. Оно, вопреки ожиданию станowego, не помирволило земскому суду и сделало членам и секретарю его, за равнодушие к делам службы, строгий выговор... О том, что не следовало писать «предложение», а нужно было послать «отношение», дело, конечно, тем не кончилось: пошла переписка с губернским присутствием, как водится. Но это уж особая статья, а главное то, что губернское правление сознало, что неформенность не помеха делу.

<ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРЕНИЕ>

С.-Петербург, суббота, 10-го марта 1862 г

В одном из недавних номеров нашей газеты мы приняли на себя обязательство заняться желаниями рижских граждан относительно некоторых реформ по части почтовой корреспонденции между городами Ригою и С.-Петербургом. Известно, что у Риги с Петербургом очень много взаимных торговых сношений и что во всех торговых сношениях быстрота и удобство корреспонденции играет очень важную роль; от письма, задержанного лишнюю минуту в дороге, в почтовой конторе или в сумке разносчика очень часто путаются соображения коммерсанта, затрудняются обороты и вообще происходят разные непредвидимые случайности, имеющие самое неблагоприятное значение во всяком торговом и промышленном деле. В Англии как в стране, знающей настоящую цену времени, вполне сознано значение быстроты и аккуратности почтовой корреспонденции;

там письма, брошенные в почтовый ящик, непременно доходят в руки адресанта, никогда не претерпевают над собою никаких опытов, известных в милой, «обворожительной» Франции, и никогда не пропадают, как это случается в других просвещенных странах Европы и порою у нас грешных. В наше время переписка через почту у нас идет, разумеется, несравненно лучше, чем несколько лет тому назад, но все-таки наша почтовая корреспонденция не может похвалиться тою скоростью и аккуратностью, которые мы видим в Англии и которой не надеемся видеть у себя до тех пор, пока в России будет признана важность частной корреспонденции и неприкосновенность письма для тех, кому оно не адресовано, а это достигается не так скоро и не так легко. Корреспондент «Современной летописи» (см. № 6-й 1862 г.) свидетельствует, что во Франции еще и до сих пор письма и газеты пропадают непрерывно; еще чаще встречается, что их приносят на другой и на третий день по получении на почте. «У англичан же почта — дело святое», дело, о котором много заботятся и которое, вследствие разумной за-

ботливости, доведено почти до идеального совершенства.

До устройства в России железных дорог корреспонденция через почту была самым быстрым способом переписки, и жалобы, которые приходилось слышать на почтовое ведомство, касались преимущественно неаккуратности доставки пакетов, на медленность же провоза их редко жаловались, потому что не было в виду средств ускорить этот провоз. Указывали только на медленность городских почт в Москве и Петербурге, при современном устройстве которых нельзя ожидать на свое письмо ответа по почте в тот же день, тогда как в Лондоне можно получить ответ с другого конца города на письмо, опущенное в ящик в 7 часов вечера. У нас, если нужно иметь ответ сегодня же, приходится посылать письмо со слугою, а буде такового не имеется, отправляться к тому, с кем нужно переговорить, собственнейшею персоною. Так обыкновенно у нас и делается, к ущербу публики, бесплодно теряющей время, и почтового ведомства, лишаящегося доходов за доставку писем, заменяемых самоличным тасканьем

по стогнам наших просвещенных столиц. Однако до сих пор только в Москве и Петербурге было удобнее заменять переписку личными визитами; теперь же это самое испытывают рижские и петербургские граждане, имеющие срочные дела и ведущие между собою деловую переписку. Из Риги в Петербург и из Петербурга в Ригу данный индивидуум может перенести свою субъективность в 24 часа, а письмо, посланное им в том же направлении, перелетает это пространство с быстротою четырех суток. Это, разумеется, очень не нравится рижским купцам, ожидавшим, что с открытием линии железной дороги их деловая переписка с Петербургом будет доставляться с тою скоростью, с какою почтовый поезд, отправленный из Риги, достигает Петербурга. Такое желание рижских граждан очень понятно и очень законно, но тем не менее оно до сих пор *vox clamantis in deserto*. [1] Как же это делается, что письма, отправляемые с поездом, перебегающим пространство между Ригою и Петербургом в 24 часа, доходят до адресата через 96 часов? Кто же их задерживает: разносчики? — нет. Контора, по-

лучающая почту? — тоже нет. Так кто же? А вот, извольте читать и наслаждаться, какие иной раз бывают порядки в просвещенных и благоустроенных государствах: письма и посылки отправляются из Риги в Петербург с поездом, который выходит из Риги в 3 1/2 часа пополудни и едет до Динабурга семь часов. В 10 1/2 часов рижский почтовый поезд бывает уже в Динабурге и привозит с собою корреспонденцию, следующую из Риги в Петербург, а в 12 1/2 часов пополуночи отходит поезд из Динабурга в Петербург. Очевидно, что если бы письма, привезенные из Риги с поездом, пришедшим в Динабург в 10 1/2 часов, отправлялись далее с поездом, отходящим из Динабурга в 12 1/2 ч. пополуночи, то они получались бы здесь в 4 1/2 часа пополудни, на другой день, то есть через 25 часов после отправления их из Риги. Но так не делается. Письма, прибыв в Динабург в 10 1/2 часов, пользуются в этом городе двадцатишестичасовым роздыхом, то есть не передаются поезду, отходящему из Динабурга через два часа после прихода рижского поезда, а дожидаются по обстоятельствам, не зависящим ни от

свойства писем, ни от желания их отправителей, поезда, который едет на следующий день. Таким-то образом письмо, отправленное из Риги в Петербург, употребляет на полет до Северной Пальмиры вместо 24-х часов, в которые доезжает пассажир, трое суток, а, пользуясь льготами, которые даруют ему господа, разбирающие и разносящие почту в Петербурге, оно попадает в руки адресата только на четвертый день. В силу такой манеры «спешить потихоньку» рижские купцы во всех случаях, требующих ответа из Петербурга не позже, как на третий день, посылают эти письма с нарочным или едут сами, или же телеграфируют. Само собою разумеется, что тот же порядок наблюдается и при передаче корреспонденции, отправляемой из С.-Петербурга в Ригу. Почтовый поезд оставляет Петербург в 3 часа пополудни и мог бы передавать привезенную им корреспонденцию поезду, отправляющемуся из Динабурга в Ригу в 8 часов утра, тогда письмо в 2 часа пополудни того же дня было бы уже в Риге и с небольшим через 24 часа после отправления его из С.-Петербурга находилось бы в руках

адресата. Вместо этого, существует такая вре-
меубивающая процедура: письма, следующие
из Петербурга в Ригу, задерживаются в Дина-
бурге до поезда, который отходит из этого го-
рода в 3 часа пополудни, а в Ригу приходит
ночью, когда писем уже не разносят, и разда-
ча их адресатам начинается только на следу-
ющий день, когда Феб в своей лучезарной ко-
леснице совершит изрядную часть своего пу-
ти. Итак, письмо, отправленное из Петербур-
га в Ригу, положим, в четверг, день, как из-
вестно, самый легкий, при нынешнем поряд-
ке приходит в Ригу в субботу, а приносится
адресату в воскресенье, когда конторы закры-
ты и сделать распоряжение, вызываемое по-
лученным письмом, очень трудно, а часто и
совсем невозможно. Между тем есть средство
письмо, отправленное из Петербурга, поло-
жим, в самый тяжелый день, в понедельник,
доставить рижскому адресату после двух ча-
сов во вторник; но средствами этими почто-
вое ведомство до сих пор не пользуется. Из
всего сказанного, полагаем, можно убедиться,
что рижане имеют некоторое основание же-
лать для путешествия почтовой корреспонден-

денции между С.-Петербургом и Ригю иных порядков, при которых не было бы упущено никакой возможности пользоваться первым поездом, отправляющимся из Динабурга после прихода почт рижской или с. — петербургской.

Для удовлетворения такого вполне справедливового желания нужно только отменить задержку корреспонденции в Динабурге и сделать обязательным немедленную передачу ее первому поезду, отправляющемуся из Динабурга в Ригу или Петербург. Достичь этого, кажется, очень возможно, ибо между прибытием поездов в Динабург и отходом следующего за ними поезда из Динабурга проходит около двух часов. Стоит только все простые письма, отправляемые из Риги в Петербург или из Петербурга в Ригу, не закладывать в общую, трактовую, сумку или ящик, а отправлять их в особой суме или особом ящике, которых нет нужды вскрывать до места назначения. Денежную же корреспонденцию отправлять таким же образом в особом постпакете. Целость пакета или суммы (которые, вероятно, будут и запечатаны) может служить

ручательством для безостановочного приема их на следующий поезд, и в случае какого-либо сомнения и проверка корреспонденции по реестрам в течение двух часов вполне возможна.

Рижские граждане, которых очень интересует это дело, формулируют свои желания следующим образом: они желают, чтобы: 1) последовало распоряжение об отправлении денежных писем, поданных на почту за час до отхода поезда, с этим же поездом, а не на другой день, как это делается теперь.

2) Вменить в обязанность все письма, адресованные в Ригу с надписью чрез нарочного, с нарочным же доставлять прямо со станции железной дороги адресату, который за каждое доставленное ему таким образом письмо будет платить нарочному по 15 коп.

3) Привешивать к почтовому вагону в Риге письменный почтовый ящик, чтобы в него можно было опускать письма до последней минуты пребывания поезда на рижской станции.

и 4) Разрешить франкирование писем, отправляемых за границу, посредством почто-

вых марок — так, как франкируют свои письма заграничные отправители их в Ригу.

Мы, конечно, не имеем ни единыя власти ни вязать, ни решать чьих бы то ни было желаний, касающихся государственной администрации, и сознаем в себе достаточные способности ошибаться; но, в пределах нашего понимания, не находим никаких препятствий к полнейшему удовлетворению желаний рижских граждан. Нам кажется, что, кроме облегчения почтовых чиновников, принимающих в Риге заграничную корреспонденцию по настоящей манере, и других чиновников этого же ведомства, нянчающих проходящую через Динабург простую и денежную корреспонденцию, не произойдет никаких злокачественных последствий, а корреспонденция непременно увеличится, и пропорционально ей возрастет цифра почтовых доходов. Однако, не избалованные излишним доверием к своим доводам, мы просим заинтересованных в сем деле лиц не придавать нашему голосу того значения, которого ему по штату не полагается, и обратиться с своими желаниями куда и как следует, а в то же вре-

мя поискать средств к достижению некоторых из них такими мерами, кои не позволяют подозревать в себе никакой злокозненности и приведут к желаемым результатам без всякого участия со стороны административных властей. Такие меры, по нашему мнению, возможны именно в вопросе о доставлении писем адресатам прямо со станции железной дороги с нарочным, за особую плату. Нет сомнения, что почтовое ведомство, если пожелает, может исполнить и это желание без всякого ущерба своим интересам, но возлагать такое непривычное дело на наших чиновников, которые «не спеша век живут», нам кажется очень непрактично. Если рижанам очень дорога всякая минута промедления следующих им писем, то они могут устроить доставку их со станции совсем иначе, проще и вернее. Обществу рижских граждан, готовых платить по 15 коп. за каждое доставленное прямо со станции письмо, не обойдется дороже, если они поместят на свой счет около этой станции одного человека с одною лошадыю, аккредитовав его получать прямо из вагона все или некоторые письма на имя рижских гражд-

дан, с уплатою подающему их почтовому чиновнику по 3 коп. за каждое, и затем, нимало не медля, развозить их по адресам. Таким образом почтовое ведомство, получив по 3 коп. за доставленное письмо, ничего не потеряет, взятые деньги может отдать кому там следует, не утруждая совсем своих почтальонов, которые у нас, на севере, обыкновенно очень ленивы, а общество рижских граждан будет иметь верного и аккуратного доставщика, зависящего не от постороннего лица, а от самого общества, имеющего возможность и поощрять его и подвергать взысканиям, определенным предварительным добровольным условием. Мы даже думаем, что если впоследствии разрешение выдавать все или некоторые привозимые в Ригу письма прямо из вагона известному лицу, аккредитованному обществом рижских граждан, то самому обществу будет гораздо удобнее устроить доставку их прямо со станции адресатам, чем возлагать это на обязанность почтового ведомства. Что же касается остальных желаний рижских граждан, то мы сказали, что не предполагаем на них отказа: но как «наша речь — не посло-

вица», то, заявляя их печатным образом, с своей стороны желаем им дойти куда следует в добрый час.[2]

Русские читатели нашей газеты будут снисходительны и не посетуют на нас, что мы занялись делом, касающимся, по-видимому, одной Риги. Всякое сетование, в настоящем случае, было бы несправедливостью, ибо, с одной стороны, дело, о котором мы говорили, только по-видимому относится исключительно к Риге, а в сущности имеет немаловажное применение и к другим местам, пишущим буквами, составленными Кириллом и Мефодием, а с другой стороны, не довлеет же нам, русским, быть немцами, забывать родное правило: «друг о друге, а Бог обо всех». Опять ведь и то сказать, что и чисто русские-то общественные вопросы в том виде, в каком они нам иногда представляются, интересны только с известной стороны, как факты, а как станешь их обсуждать, так и не знаешь, как за них взяться. Вот, например, и теперь не то, чтобы совсем без новостей, а речи о них никак не сложим, и вы, благосклонный читатель, за это на нас не сердитесь, потому что...

за это сердиться вы, ни по каким резонам, не должны. Мы не одержимы духом лености и скрытности, мы всей душою готовы услаждать ваши досуги доступными для нас новостями многообильной единообразием, неподвижностью и иными прелестями всероссийской жизни. Попробуем вот и на сей раз привлечь к столбцам нашей газеты ваше лестное внимание мелкими новостями, имеющими для людей, привыкших читать произведения русской прессы, довольно крупный интерес.

В Москву, редакции «Современной летописи» пишут, что крестьяне исправно продолжают не понимать многих пунктов положений 19-го февраля 1861 года, и в силу этого незначительного обстоятельства по местам происходят разные курьезные события, не лишённые своей доли общего интереса. Известно (и мы не один раз имели случай занимать этим наших читателей), что освобожденные положением 19-го февраля крестьяне нередко заявляли свои убеждения насчет принадлежности им всей пахотной земли и лугов. Теперь, из № 6-го упомянутой выше газеты, узнаем, что в некоторых местах нашего лю-

безного отечества притязания крестьян идут несколько подальше. По словам корреспондента той же газеты, крестьяне уверены, «что, рано или поздно, помещичьи леса отберутся в пользу казны», и, на этом основании, считают несовместным с обстоятельствами входить в какие бы то ни было соглашения с помещиками о топливе, что, разумеется, и весьма логично при существовании у крестьян такого приятного убеждения. «Сначала, — говорит корреспондент, — я не очень верил в существование этого убеждения, но разговор с одним крестьянином, пользующимся в своей среде репутацией умного и дельного (он избран в судьи волостного суда), показал мне, что мнение это в самом деле существует.

Мы толковали о лесе, который не входит в состав надела.

— Неужели нам и леску-то не дадут? — спросил меня крестьянин.

Я указал ему на статью положения, прибавив, что, в случае добровольного согласия крестьян и помещика, лес может входить в состав надела.

— Да из чего же вы хлопочете? — начал он

опять. — Вы как думаете, в чью пользу пойдут помещичьи леса?

— В пользу помещиков, конечно.

— Ну, это еще нельзя сказать.

— Отчего?

— Да вот придет время — сами увидите.

При этой последней фразе лицо его приняло какое-то таинственное выражение; видно было, что он знает что-то, а не хочет или боится сказать».

Так вот видите ли, читатель, что было, тем мы с вами частью уже наслаждались, а что будет, тем мним еще радоваться — будет же, вероятно, то, что Бог даст, потому что нашим разумом в своих делах вперед ничего не рассмотришь. Другое дело вопрос: поедет ли из Европы какая-нибудь особа править мексиканской республикой или не поедет? Тут мы все знаем и объясняем вам со всею неотразимую логикою свойственного нам, русским, глубокого политического такта и характеристической способности «чужую беду бобами разводить». Да и в самом деле, непредусмотрительны мы в своих делах не оттого только, что мы уж, по какому-то странному призва-

нию, все поголовные иностранные политики, а и дела-то наши подчас выскакивают в форме таких мудреных кренделей, что никак не разберешь, в какой печи они спечены и чем их размочить, чтобы разогнуть, не сломавши. Земля наша велика и обильна, есть на ней разные люди, и глупые, и умные: встретишься с глупым на тесной дорожке — никак не разойдешься; столкнешься с умным — тот, по выражению Гоголя, если не пьяница, так такую рожу скроит, что тоже ничего не поделаешь, так и сядешь перед ним и либо обомрешь, либо покатишься со смеху. Вот в той же «Современной летописи» и тот же самый господин, который удостоверился насчет веры крестьян в близкую утрату помещиками своих вотчинных прав на собственные леса, повествует, как он «читал крестьянам местное положение» и дочитался таким манером до 37-й статьи, а в этой статейке «между прочим говорится, что левады и займища включаются в состав крестьянской усадебной земли. Когда дело дошло до этих названий, крестьяне остановили меня, прося сделать им объяснение. Я отказался незнанием, приба-

вив, что это, вероятно, местные названия уго-
дий, совершенно не известных в нашей мест-
ности (!). Волостной судья (скептически отно-
сящийся к правам помещиков на леса) вы-
звался дать объяснение. Вот оно: левады это
ледники (!), погреба (!!), а займища — земли,
занятые на время кем-нибудь из крестьян для
какой бы то ни было хозяйственной цели и
притом где бы то ни было, хотя бы не вместе с
остальной усадебной землей». Вот и изволь-
те — о, читатель! войти в положение с. — пе-
тербургского публициста, обязанного изла-
гать вам свой взгляд на тамбовские и рязан-
ские события, когда там у вас в самом Тамбо-
ве или Рязани читают местные положения, да
как дочитаются до местного выражения, так
и не знают, как его поставить к месту. Один
ничего не разберет, а другой, полагаясь на
свою родную сметку, подумает, что он «все
произошел», да и попадет пальцем в небо.
Мир же все это слушает, мотает на ус и слагает
в своем наболевшем сердце, откуда оно вы-
ходит в виде разных странных явлений, вы-
зывающих иногда еще страннейшие послед-
ствия. Господин, сообщающий эти незначи-

тельные заметочки, в качестве корреспондента журнала, чувствующего умиленные симпатии к каждому английскому приему, тотчас нашелся указать средство, как бы помочь своей несостоятельности в разъяснении крестьянам непонятного местного выражения в 37-м пункте местного положения. «По неволе, — говорит он, — вспомнишь английский обычай объяснять в конце каждого закона встречающиеся в нем технические термины».

Пресса наша, как мы имели удовольствие заметить, пользуется завидною честью быть органом иностранной политики и отечественной полемики или, по справедливому замечанию «Русского вестника», «расплывается в недомолвках». Она, конечно, могла бы сделать много истинно полезного, но, к сожалению, она не интересуется разных слоев русского мира и потому не может действовать на них словом убеждения. Русское купечество, мещанство и другие грамотные и близко стоящие к народу лица не находят для себя во всем нашем писании ничего занимательного, потому что как они еще состоят в политиче-

ском малолетствии и даже не подозревают о существовании на земле никакой Мексики и венгерского сейма, то читать им у нас и действительно почти нечего. В отношении же политики они ограничиваются толками о белой Арапии, да «о венской конареве, на которой сидело видимо-невидимо французских принцев и немецких императоров». Газеты, по их мнению, господа сочиняют от нечего делать, мо-мо разводят. Остаются школы. Плоды от школ еще представляются в будущем, но каковы будут эти плоды? Бог знает. «Домашняя беседа» в одном из недавних своих выпусков ликовала, что «теперь в (известных ей) школах уже не объясняют, солнце ли около земли ходит или земля обращается около солнца». Стало быть, русскому народу полезно не знать этого; недаром славянофилы ставят его каким-то вырожденком из человеческого рода и сулят ему особые судьбы. Мы, конечно, не знаем, какой совестный судья г. Аскоченский, и совести его не касаемся; до такого злорадства доходят люди не совестью, а умом, но неужто же Сквозник-Дмухановский даром повторяет в каждом представлении «Ревизора»,

что «иной ум хуже всякого безумия»? Право, все это очень странно.

<ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРЕНИЕ>

С.-Петербург, среда, 14-го февраля 1862 г

При нынешнем говоре о сословных преимуществах позволим себе упомянуть о сословной равноправности перед законом не только уголовным, но и имущественным. Материалом для этой заметки нам служит последняя книжка «Журнала Министерства юстиции» (январь м^есяц 1862 года). Мы с удовольствием встретили в этой книжке официального министерского журнала мысли о необходимости дать в нашем законодательстве приличное место народным юридическим обычаям, заменяющим до сих пор все писанные законы при всех сделках, совершаемых народом без участия «приказных людей». В основании статьи, развивающей эту мысль, лежит верование, что «русское право, в обширном значении этого слова, должно идти своим путем, иметь свое самостоятельное развитие, своеобразную историю этого развития, бок о бок с развитием народной

жизни». Мысль, в основании своем глубоко верная и достойная всякого одобрения. Если принять в соображение чрезвычайно разнообразные степени умственного и нравственного развития людей, благоденствующих на российской почве, — ничто не представляется столь странным, как единообразная ответственность их перед законом, которого 9/10 из них вовсе не понимают. Но понимание это очень сильно заметно во взглядах на преступность, а еще резче оно высказывается во всех разбирательствах по имуществу. Законы гражданские, можно утвердительно сказать, не имеют никакой солидарности с понятием о праве, присущем нашему народу, и громко требуют коренных изменений, сообразно духу народа и состоянию страны. Вопрос о духе реформ, которые необходимо внести в наше законодательство, весьма сложен и требует внимательного и осторожного обсуждения. Мы не из числа людей, стоящих за регламенты, принесенные к нам из-за моря и насильствовавшие и нашу правду, и наш смысл; мы очень хорошо знаем, что «нехвально нам искать правду в немцах», но и не решимся

утверждать возможность составлять новые законы по обычному праву, на том основании, что «у нас есть правда по закону святу, юже принесоша с собою отци наша». Нерешимость наша в этом случае основывается на том, что правда, «юже принесоша с собою отци наши», имела огромное и вполне целесообразное значение в то время, когда ее принесли. Но с того времени народ наш пережил много исторических катастроф, которые в значительной степени изменили и его бытовые условия, и отчасти самый его характер. Идя тем или иным направлением по своей исторической дороге, он все-таки развивался и уклонялся от многих патриархальных условий своего прежнего быта, к которому была как нельзя лучше применима правда, «юже принесоша с собою отци наши». С приходом законодательной власти от «отцев наших», не знавших, что *summum jus, summa injuria*, [3] в другие руки (что случилось довольно скоро по принесении народной правды), руки, чертившие новые законоположения, весьма мало стеснялись правдою, «юже принесоша отци». В действие входили зако-

ны, несообразные с этою правдою, вносились элементы чуждого права, и народ, ведаясь по этому праву, волею или неволею к нему при-
норовлялся и освоивался с ним. Под влиянием этого права он знакомился с тою фиктивной цивилизацией, которую привили ему его исторические судьбы, и стал «позываться на суд». Правда, принесенная отцами, уходила у него все глубже и глубже в домашнюю жизнь и оставалась в ней *in statu quo*. [4] Как ни хило, как ни противоестественно шла жизнь народа, но она, во многих случаях, заявляла требования на необходимость изменения многих положений обычного права, сохранявшегося только для домашнего обихода. Народ сам, во многих случаях, стал выражать недовольство этою правдою, которая хотя была «свята», но не отвечала условиям, в которые слагалась новая жизнь. Нужна была правда более сообразная с новыми условиями; пошли судебники, сохранившие и правож, и многие другие аксессуары обычного права; народ терпел их, как терпел самое неистовое тиранство и злословие, как терпел потом закон, которого «нехвально было ис-

кать в немцах». При каждом из них он стонал и охал, при каждом ждал, что вот авось-либо ему будет «повольготнее», и дожил таким образом до наших счастливых дней при сознании, что «по письменному закону» ему не разобрать своих дел, а на миру тоже не всегда правда живет, потому что, хотя на сходке «мир решит, да не мир вершит». Народ ясно стал чувствовать необходимость внесения в его домашнюю правду новых мягких, гуманных элементов, без бюрократического формализма и канцелярской обстановки. Первые соединения освобожденных крестьян с лицами, избранными из класса, отрекшегося за себя и за своих внуков от крепостного права, показали нам и народу, в массе этих лиц, очень много людей, умеющих понимать интересы крестьянина и разбирать его дела понятным для него толком. Случаи упорного несоглашения встречались не часто; крестьяне находили, что их смысл и понятия их новых посредников могут сходиться. Крестьяне почти везде находят, что теперь, именно теперь стало им «вольготно», не только по отношению к помещикам, но и по отношению ко

всем разбирательствам, не обходящим нового мирового учреждения. Результатом таких убеждений являются совместные заседания крестьян с дворянами, вроде того, какое недавно было в Кинешме и каких дай Бог во всех местах. Очевидно, что сам народ, совершенно основательно убежденный, что «нехвально нам искать правду в немцах», убежден и в необходимости согласовать сохранившиеся предания своей правды с правдою, которая на Руси же росла и не обезличилась перед правдою, взятою напрокат у римлян и немцев, но установилась и окрепла под влиянием идей более мягких и понятий более человеческих, чем те, с которыми жили отцы наши, отцы, ведавшиеся правожом и другими прелестями обычного права. Это указывает нам на необходимость крайней осмотрительности в законодательных реформах. Закон должен сообразоваться с обычными понятиями, вошедшими в плоть и кровь народа; он должен применяться к состоянию страны и не навязывать обществу чуждых элементов, по одному тому, что они приняты тою или другою странюю или выработаны римлянами;

но он и не должен допускать в свои кодексы начал, очевидно несовременных, хотя бы в массе были люди, которым такие принципы нравятся. Иначе батожье и палки могут оставаться в законодательстве долее, чем этого желает самая лучшая часть народа и все истинные его друзья. В статье о значении народных юридических обычаев («Журнал Министерства юстиции», январь 1861 года) сделано несколько замечательных указаний на большие пробелы в нашем X томе, которые народ пополняет сам, по своему крайнему разумению. Некоторые черты этих пополнений так умны и симпатичны, что нельзя не жалеть о пропуске их нашим законодательством, где они, хотя частью и формулированы, но давно не с тою правдивою ясностью, с какою выражает их народная жизнь. Пробелов этих немало и в уголовных, и в гражданских законах, но особенно изобилуют ими отделы о различных сделках и договорах, о браке, разделе, артельном союзе и наследстве. Так, в «Своде законов» говорится о браках православных с православными, православных с иноверцами, христиан с нехристиана-

ми, говорится и о браках мусульман и евреев, но ни слова нет о браках раскольников. Прекращение браков, совершаемых между лицами, исповедующими еврейскую, магометанскую или языческую веру, представляет предмет обширных исследований, а в законе о них встречаются только самые общие места. Разделы хозяйства между членами расходящейся семьи и распределение между ними движимого имущества нимало не подходят к разделам по закону. В наследовании после покойных встречается то же самое. Народ делит по разуму и не оставляет дочери при одной четырнадцатой части, отдавая все сыну, дабы он поддержал отцовское имя. Женщина, как существо более слабое, пользуется осязательною долею наследия, в противность праву, послужившему основой для наших законов. Приемьши не устраняются от наследства как дети, добровольно принятые в семейство, а подкидыши только награждаются. Выделенная замужняя дочь, в случае вдовства, имеет право возвратиться в отцовскую семью и не считается в ней лишним членом, обременяющим или отягощающим семью. Артель, с ее

внутренним самосудом и распорядками, представляет учреждение весьма сильное и своеобычное (в настоящее время на нее обращено внимание правительства и, как видно из «Журнала Министерства юстиции», ей думают уже придать официальное, юридическое значение); суд на сходах и признание особых «посужих», когда суд схода кажется неудовлетворительным, — все это признаки живучести в народе особой правды, особого строя суда и разбирательства, и, конечно, очень желательно, чтобы все хорошее, что сберег народ в своей преемственности, не оставалось более в том отдалении от общей русской жизни, в каком оно жило со времен устранения и неподвижности русского обычного права. Но как это сделать? Как наполнить пробелы законов, писанных мудростию законов предания? Как подвергнуть те и другие строгой и беспристрастной критической оценке, в которой они нуждаются самым настоятельным образом? В «Журнале Министерства юстиции» полагают, что этого удобно достичь тщательным исследованием и описанием народных юридических обычаев и, ра-

зумеется, сопоставлением их потом с подлежащими статьями ныне действующих законов. Мера, конечно, очень хорошая, но едва ли лучшая. Существенные ее неудобства, по нашему мнению, замечаются: а) в долговременности, потребной на такую работу; в) в невозможности определительно отвечать в данный момент (хоть бы и после самого долгого срока), что все собрано и приведено в известность, и с) в недостатке сведений об отношениях массы к известным узаконениям, которые могут быть приняты как компромиссы между старыми обычаями и условиями новой жизни.

<ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРЕНИЕ>

С.-Петербург, понедельник, 19-го марта 1862 г

На дворе тепло, тает снег, с крыш падают капли. В доме Вольного экономического общества читаются лекции «о жизни и здоровье домашних животных», окна домов начинают украшаться бумажными листками, свидетельствующими о некотором переселении народов и о затруднительности российской орфографии; случаи падения седоков из извозничьих экипажей можно наблюдать легче, чем зимой. Все эти явления, рассматриваемые в совокупности, знаменуют приближение петербургской весны. Конечно, весна еще не то, чтоб на дворе, но ее уже, так сказать, чувствуешь во всем: и в грязи улиц, и в запахе прелестных петербургских дворов, и в просветительных мерах Вольного экономического общества. Жаворонков и других предвестников весны мы, питерчики, не видим: они не прилетают под наши окна ни на Мойку, ни на Малую Мещанскую, а потому и не должно

упрекать нас в том, что этих пернатых «первенцев весны», в известном отношении, нам заменяют профессора, читающие свои лекции в зале Вольного экономического общества. Это очень понятно всякому, кто вспомнит, что Вольное экономическое общество, известное своею полезною деятельностью, ежегодно приглашает ученых людей читать лекции о предметах сельского хозяйства и что лекции эти читаются большею частию вот в это время, то есть когда в Курской губернии появляются жаворонки, а из Петербурга удаляются к своим ларам и пенатам приезжающие на зиму русские сельские хозяева. Впрочем, мы вовсе не намерены исследовать теорию весенних побуждений Вольного экономического общества и всегда готовы слушать умные речи «о жизни и здоровье домашних животных», но вообще приближающаяся весна наводит нас на весьма многообразные размышления. Нам все хочется встретить ее и расспросить:

*Весна красна,
На чем пришла?*

В самом деле, что-то скажет нам нынешняя весна? Славянский поэт, г. Берг, недоволен новым веком (здесь не должно разуместь журнал такого наименования) и во второй книжке журнала «Время» очень сердится на человечество, беспокоящее его вопросами.

*Говорят, толкуют, споры да слова,
Правда инда ходит кругом голова.*

Все это так раздражило г. Ф. Берга, что он даже порешил отрясти прах от своих голенищ и уйти от нас с известным ему ангелом на страну далече сущу, где нет ни печали, ни воздыхания, ни вопросов, а простая жизнь бесконечная. Русские люди так настойчивы и так эмансипированы, что до сих пор еще не изобретено ни одного верного средства удерживать их от переселения в горние обители, и потому совершенно бесполезно уговаривать г. Берга еще мало пожить с нами и потерпеть нас; в качестве славянина и поэта он непременно настоит на своем. Но нам, простым смертным, нельзя относиться с таким презрением к земным благам и волей-нево-

лей приходится отойти да поглядеть, каково нам сидеть. Что делать? Всякому свое, или *suum cuique*, [5] как говорят очень многие ученые и очень мало ученые современные писатели.

Но как же обходиться без вопросов, когда все, около чего ни повернешься, на что ни взглянешь, торчит перед тобою вопросительным знаком? Тут ведь тоже «инда кругом ходит голова» и готов забыть и Гегеля, и Фейербаха и повести речь насчет бобов, гороха и всякой иной житейской штуки. Вот почему мы и занимаемся вопросами, угнетающими высшие стремления славянского поэта г. Ф. Берга.

Впрочем, мы и сами чувствуем, что не только г. Бергу и многим другим нашим даровитым поэтам, но даже и многим из числа простых смертных, удостоивающих своим вниманием нашу газету, покажется позволительным бежать от сегодняшней нашей статьи, но, однако, мы от нее не отказываемся.

Молодому поколению русских сельских хозяев придется хозяйничать совсем не так, как хозяйничали их дедушки в доброе старое вре-

мя, и даже не так, как хозяйничают теперь многие наши просвещенные землевладельцы, посмеиваясь над наукой и насвистывая молодецким посвистом:

*Наши деды и отцы
Нам примером служат.*

С этим героическим спокойствием, с этою заносчивою самонадеянностью, переходящею иногда границы всякого благоразумия, идти далее, кажется, невозможно. Условия сельского хозяйства очень резко изменились и очень красноречиво заявили, что при них невозможен старый порядок и даже старые люди, то есть не те люди, которые только пережили известный возраст, позволяющий увлекаться сочинениями г. Чернышевского, но те, которые не в состоянии понять потребностей своего времени и не вооружаться против всякой разумной и полезной реформы. Однако мы, кажется, напрасно привели имя г. Чернышевского, потому что круг его почитателей состоит из людей, имеющих право во всякое время сказать *omnia mea tecum porto*, [6] и затем ждать, пока в рот влетит жареный

рябчик. Такие люди не от мира сего, и мир наш, русский мир, не имеет ничего общего с их приятною теориею. У нас есть хозяева, хозяева господа, купцы и крестьяне, а у них есть управители, батраки и работники. Первые нередко сетуют на последних, а последние еще чаще жалуются на первых. Такое явление частого взаимного неудовольствия, по нашему мнению, служит одним из самых неблагоприятных условий для нашего сельского хозяйства, и в ожидании, пока широколобые теоретики пересоздадут существующий строй человеческих обществ, нам кажется очень приличным поискать возможности видеть больше гармонию в существующем порядке вещей.

Еще почти во всех помещичьих имениях работают временнообязанные крестьяне. Как они убирали господские поля в прошедшем году — мы полагаем, известно всем, кому о сем ведать надлежит. Как они будут обрабатывать их предстоящим летом — это также более или менее можно предвидеть. Нельзя, кажется, ошибаться, что владельцы крупных и мелких поземельных участков, решившие-

ся обратиться, не выжидая никаких сроков, к обработке своих полей вольнонаемным трудом, поступили очень дальновидно; но и с вольнонаемными сельскими работниками встречается много затруднений. Они, во-первых, неохотно идут в наймы к землевладельцам из привилегированного, сословия; во-вторых, один и тот же работник у зажиточного крестьянина или у купца, имеющего свои поля, работает гораздо лучше, чем у помещика дворянина, и, в-третьих, почти во всяком хозяйстве встречается огромная цифра так называемых заносов. Крестьяне нанимаются, берут задатки, не приходят работать или работают зря, так что работа их приносит более вреда, чем пользы. Эти заборы, производимые с заранее обдуманном намерением никогда не отработать забранного, делаются у всех: у крестьян, держащих батраков, у купцов, у рядчиков и у помещиков-дворян, но у дворян чаще, чем у купцов или у крестьян. Таким образом, русский сельский хозяин, в самую горячую пору, остается и без денег, и без работников. В прошлом году эти прелести сельскохозяйственного быта повторялись так

часто и в таком большом количестве, что орган южнорусских сельских хозяев энергично указывал на наглые проделки рабочих с хозяевами и взывал к общественному вниманию, приглашая его подумать и погадать, как бы пособить этому горю; но в общественных сферах воззвание это удостоено глубоко-равнодушным молчанием, а что впоследствии по нем в сферах административных — о том никаких сведений не имеется. Дни же своей обычною чередою шли да шли, и вот снова в Курске поют жаворонки. Петербургская публика, под руководством г. Пашкевича, знакомится в зале Вольного экономического общества с здоровыми и больными домашними животными; скоро поля почернеют, и понадобятся работники, а тут же и начнется опять озадачиванье, надувательство и незапаханная земля. Что же делать? Опыт показывает, что в небольших хозяйствах (примерно до ста десятин в трех полях) можно вести дело с русскими наемными работниками даже с очень хорошей выгодой и без больших хлопот. Три или четыре постоянные годовые работника на горячее, страдное время сами приглашают

кто куму, кто шабра, кто брата, кто свата, и хозяйское поле обрабатывается своевременно и хорошо, без всяких прижимок со стороны рабочих. У крестьян и купцов, владеющих поземельными участками такого размера в срединных губерниях, хозяйство идет (относительно) прекрасно; у дворян несколько позаминистее. Это происходит оттого, что батрак не сживается с хозяином из дворян так тесно, как он сживается с купцом или однодворцем, а это, в свою очередь, происходит от очень многих причин, и главное оттого, что хозяин из купцов или однодворцев стоит гораздо ближе к работнику и по своим понятиям, и по образу жизни. Нередко работник 6–7 лет живет у мужика, с которым они не раз таскали один другого за волосное правление, не раз обсчитывали друг друга и зато не раз мирились «во царевом кабаке». Будь у дворянина и харчи лучше, и расчет аккуратный, ни один работник на него не жалуется, а рачения и заботливости к его делу все не приложит и не сживается с его домом. Тут спор ученых литераторов о почве, народе и солидарности можно проверять на деле, и приходит-

ся согласиться, что от почвы мы действительно оторвались и народ не чувствует солидарности с нами, но... Впрочем, пусть журнал «Время» еще пояснее расскажет, как должен происходить процесс сближения с народом.

Итак, в небольших хозяйствах, особенно у землевладельцев недворянского происхождения, дела идут сравнительно нехудо, но в больших имениях, где хозяйство далеко не фермерское, или, как говорят наши столбовые, неоднодворческое, там с батраками обходиться невозможно. Нужны или фермеры-арендаторы, или оседлые работники. Опыт показал, что, кроме чиншовых однодворцев в Западном крае, русские рабочие, люди, не имеющие собственной оседлости, не идут на заселения с принятием на себя условных обязательств к землевладельцу, да и хорошо, пожалуй, делают. Крестьяне тоже не пойдут на такие условия, и идти на них им незачем. Остаются иностранные выходцы. В прошлом году, при посредстве г. Филипеуса, сделано русскими помещиками несколько долгосрочных наймов заграничных работников. Работники (по преимуществу из Герма-

нии) пришли в Россию, устроились в имениях выписавших их помещиков и на свое положение нимало не жалуются, а помещики ими, как говорят, не нахвалятся. Работают скоро, добросовестно и «с веселым духом», а живут честно и кротко. Г. Филипеус пишет из Бибриха, где он основал русское сельскохозяйственное комиссионерство, что доверие публики к нему растет, а с тем вместе и расширяется круг его деятельности до такой степени, что бибрихский комиссионер русских сельских хозяев решился, с 1-го мая, издавать в Карлсруэ специальный сельскохозяйственный журнал, в котором «вопросу о колонизации наших частных земель чужеземными выходцами, на основании аренды, будет посвящено особенное внимание». В первой же книжке он обещает план подобной колонизации, исполнение которой доверено г. Филипеусу. Стало быть, многие наши помещичьи имения, в силу события, отметившего в русской истории день 19-го февраля, обратили на себя внимание теснящихся народов Западной Европы, и очень легко может начаться такая же серьезная эмиграция в Россию рабочих

иностранцев, какая происходила во времена оны со стороны иностранцев с командирскими способностями. Рассуждать о набеге рабочих иностранцев в Россию, кажется, долго нечего; мы гостям, идущим есть хлеб в поте лица, всегда рады, а потеть у нас есть над чем. Опасаться за своих бездомовников тоже нечего. Иностранцы вытеснить их не могут, и если наши захотят рано или поздно взяться за хозяйство при тех условиях, при которых берутся за него приходящие иностранцы, или при подобных (по исследованиям хроникера «Отечественных записок», для русских контракты и писанные условия не годятся, и он предвидит какие-то другие, более славянские меры), то им места еще станет, а между тем мы поприсмотримся, как иностранцы работают и как они, с средствами, не превышающими доходов нашего крестьянина, умеют обходиться без непосредственного сожительства свиней и прочих домашних животных, состоящих в малолетствии или в интересном положении. Так мы желаем прибытия к нам заграничных работников, видим в их переходе на земли наших помещиков шаг к преуспеянию

нашего сельского хозяйства и возможность познакомить наших поселян с таким образом жизни, при котором тараканы и сверчки не считаются необходимою принадлежностью жилища, дети не видят сызмальства грязных застольных и постельных сцен, а «свекор-батюшка» не считает себя Лотом праведным и уважает в невестке жену своего сына. Но что особенно радует нас — это переход к нам западных славян. Чехи думают, что им в России будет лучше, нежели под владычеством Австрии. Заверять их в этом, конечно, нельзя, да они, впрочем, и не нуждаются в наших уверениях. Как чистые славяне, они посылают к нам ходоков.[7] Гляженое лучше хваленого. Корреспондент «Современной летописи Русского вестника» сообщает из Праги очень интересные взгляды чехов-патриотов на это выселение. По своим политическим соображениям, патриоты вообще не в пользу выселения чехов куда бы то ни было, но при рассмотрении этого вопроса как факта, уже совершающегося, они более одобряют выселение в Россию, чем в Английскую Америку или в Соединенные Штаты. Чешские патриоты

имеют для выражения таких желаний побуждения, основательности которых отрицать нельзя. Они не видят также никакой нужды в переходе европейских чехов на Амур и одобряют переселение туда только американских чехов, недовольных своим житьем-бытьем в Новой Чехии, с чем мы тоже спорить не можем. Итак, чехи подвигаются к нам с двух сторон: с востока — на Амур и Уссури и с запада — на земли, принадлежащие частным лицам. Опытные люди ручаются, что в Амурском крае чехи, искушенные всеми невзгодами колонизации, окажут большую услугу стране. Для успеха этой колонизации нужно только, чтобы их ходакам, пришедшим уже в Россию, понравились амурские места и особенно амурские порядки, о которых в американской Чехии носились довольно невыгодные толки, и чтобы правительство не отказало им в известном содействии; тогда очень выгодное для нас переселение совершится скоро. Можно утвердительно сказать, что переселение чехов из Америки на Амур теперь совершенно зависит от правительственных мер, способных дать делу тот или другой обо-

рот. Что же касается чешского движения внутрь России, на земли частных лиц, то оно, конечно, обуславливается образом действий этих лиц и вниманием всего общества и правительства к взаимным отношениям рабочих и хозяев. Начали мы это дело не совсем красиво и очень невыгодно для репутации русских. Партия чехов, приведенная в имение князя Льва Кочубея (Полтавской губернии, село Диканьку), с первого вступления своего в русскую землю, по словам харьковского корреспондента газеты «Дня» и по известиям чешских газет, испытала на себе всю прелесть неуважения к договору и письменным условиям.

«Русский инвалид» (№ 45-й), как газета с весьма оригинальным взглядом, находит, что редакция «Дня», огласившая дело диканьских чехов, поступила в этом случае несколько неосмотрительно и даже нерационально. Эта неосмотрительность и нерациональность начинается с того, что «приглашение» «Дня», напечатанное страшно черным и видным шрифтом, о перепечатании письма его всеми журналами до получения объяснений князя

Кочубея — неуместно. Так «Инвалид» думает потому, что он «слишком уважает личность каждого человека и полагает, что отдать ее на позор людской никогда не поздно». «Инвалид» не понимает также, почему читатели «Дня» должны покраснеть со стыда от известия о диканьской истории с чехами? Не понимает почтенная газета также и того, «почему нарушение князем Кочубеем или его управляющим контракта с переселившимися к нему чехами и дурное с ними обращение должно подлежать суду общественному, а не официальному? Почему не прежде официальному, а потом общественному? Если у нас суд официальный не всегда бывает удовлетворителен, то где доказательства, что суд общественный бывает у нас непогрешительным? В-третьих, каким образом поступки одного (курсив подлинника) нашего соотечественника, тайного советника князя Кочубея и немецкого купца Левинсона с чужими (то есть с чехами) могут касаться нашей народной чести, то есть чести 70-ти миллионов русского народа, и как это делается вдруг делом международным?» Затем еще следует несколько во-

просов и несколько удивлений, оканчивающихся предположением, что «День» поднял весь этот шум из патриотизма, чтобы показать чехам, что вот-де мы каковы есть: знай наших!

Мы глубоко уважаем независимость мнений редакции «Русского инвалида», но никак не можем отрешиться от убеждения, что дело это и в сельскохозяйственном, и в международном отношениях гораздо важнее, чем оно кажется «Инвалиду», а потому и решаемся сказать о нем два-три слова. Либеральная редакция, конечно, будет так терпима, что не поставит нам в осуждение присвоения себе права «свое суждение иметь».

Дело это совсем не такой частный случай, каким представляет его газета «Инвалид». Проделка с чехами, в том виде, в каком оповестил ее «День», может и должна возмущать нас, потому что слух о ней разойдется по целой Европе, целому образованному миру: скажет он, что мы те же варвары, какими нас стараются представлять г. Мишле и некоторые другие известные европейские писатели; что мы не уважаем собственных условий и

готовы ломать их при каждом удобном случае; что целая партия зашедших к нам иностранцев бессильна отстаивать свои права против происков одного лица, умеющего обходиться с представителями нашей бюрократии; что к нам нельзя идти и что с нами нельзя иметь дело. Мы не понимаем, как не понимает таких простых вещей «Русский инвалид», рассматривающий полусхваченные это происшествие «с чужими». Узки, странны и до наивности, до сердечной боли бестактны и оскорбительны бывают иные выходки «Дня», но что же сказать и о таком равнодушии к наглости своих к «чужим»? Неужели почтенная газета не понимает, в каких соображениях может быть полезно публичное заявление общественными органами сочувствия или несочувствия известному событию, которое кладет свою печать на характер современного состояния страны? Неужели она не понимает и выгоды от того, что, при известных обстоятельствах, подобное происшествие уместно выставить на общественный суд прежде, чем оно подпадет суду официальному? Неужели можно задавать такие вопросы в об-

щественном органе, стремящемся вырвать из русской жизни всякую порчу и следящим за нею в самых ее корнях, например, в детских книгах? Подрыв доверия к нам в европейских странах, из которых начинается давно желанная и полезная эмиграция, — обстоятельства, достойные решения подлежащего уездного суда. Конечно, на все «почему?», поставленные «Инвалидом», мы не можем отвечать так, как можно и должно было бы ему ответить, ибо «почему?» гораздо удобнее писать, чем «потому»; «Инвалид», вероятно, не ошибся, предполагая, что «День» поднял весь этот шум из патриотизма, и мы не хотим думать, что шум этот беспокоит ухо «Инвалида» по совершенно противоположному чувству; но можем уверить эту газету и всех тех, кто внял ее сказанию, якобы все написанное «Днем» имеет целию «показать чехам, что вот-де мы каковы!», что этого не может быть, ибо и чехи, и все другие славяне очень хорошо знают, каков «День» и какова вообще партия русских славянофилов. Ей уж нечего оригинальничать «страшно черным шрифтом», она и так сама по себе оригинальнее объяснения

«Отечественных записок» о причине невыхода январской хроники «по зависящим от редакции обстоятельствам». В популярности у славян может нуждаться всякий другой, но не те, которые ведут «День». Это составляет их неотъемлемую привилегию.

Нашим замечанием на статью «Инвалида» о диканьском деле мы имели случай отчасти выразить то, что считаем одним из необходимых и главных условий для успехов нашего сельского хозяйства, без связи с которым нельзя рассматривать способов общего преуспевания страны. Всякая экономическая безурядица тормозит общественное развитие так же, как и наибольшие нелепости в других сферах общественной жизни. Смотреть равнодушно или насмешливо на запустение полей крупных землевладельцев — безумно. Это касается не одних владельцев, но ложится тяжелым гнетом на целое общество. Для хорошей обработки больших полей таким образом, чтобы окупались расходы вольнонаемного производства, у нас вообще мало рук, а рук, способных вводить улучшенную обработку, почти вовсе нет; держаться же патри-

архальной системы хозяйства, при наемном труде, во многих самых хлебородных местностях сделалось невозможным. Учиться всему этому довольно долго, да и всему выучиться по книжкам нельзя, а у нас же и книг-то читать не любят, и к тому же «Время» с лета как-то ослабело в своих изысканиях по вопросу о народных книгах, так что многие остаются в том печальном состоянии, в какое поставил их этот журнал своим пессимистическим воззрением на непригодность русской литературы для русского народа. Следовательно, нам позволительно и должно желать прихода заграничных работников; тогда разъединение, о котором никак не наскучит твердить нашим интересным журналам, станет исчезать вместе с бедностью, прививающею поселянам большую часть гнездящихся в них пороков и удерживающею их в невежестве, которым обусловлено общее. А чтобы люди шли к нам из-за границы, нужно, чтобы там, за границей, не носились толки, которые удерживают американских чехов от перехода на Амур. Ergo,[8] нужно заявить миру, что все эти толки несправедливы, и не показывать

тени того безучастия к экономическим вопросам, какое обнаружено «Русским инвалидом» в диканьском деле. Если же это безучастие не прекратится и случаи, рассказанные в «Записках Общества сельского хозяйства южной России», станут повторяться в тех же размерах и в нынешнем году, то есть работники станут снова забирать по 1000 рублей сер<ебром> задатков, а потом целыми артелями исчезать, оставляя хлеба гнить под снегом, то все это отразится на быте целого народа такими явлениями, которые нельзя будет назвать удачными для народного благоденствия.

Здесь же кстати скажем нашим читателям то, что сообщили нам из-за границы о новом предприятии г. Филипеуса. Он намерен издавать русский сельскохозяйственный журнал, который будет печататься в Карлсруэ. Журнал этот будет называться «Заграничный иллюстрированный вестник сельского хозяйства». В нем примут участие заграничные ученые специалисты и некоторые наши соотечественники, живущие за границей для изучения западного хозяйства. Двенадцать книжек этого журнала (который не будет за-

ниматься никакими политическими вопросами) стоят без доставки 8 талеров, а подписка на него принимается в газетных экспедициях почтового управления. Судя по присланному нам объявлению, полагаем, что внешняя сторона издания будет очень хороша; что касается до его содержания, то о нем можно судить только по обещаниям г. Филипеуса давать в своем издании статьи известных специалистов Германии, Бельгии и Франции и тех из наших соотечественников, которые живут за границей не ради фланерства и могут оттуда свидетельствовать, что хотя мы и живем среди полей и лесов дремучих, но не умеем обращаться ни с теми, ни с другими и напрасно думаем, что для наших лесов, полей и лугов не годятся никакие приемы высшего земледелия на том основании, что эти поля и леса — русские, а всему русскому г. Аксаков, воспитанный в славянофильских преданиях, и некоторые другие, менее известные писатели, изучающие русский народ по нравам трактирных половых и петербургских извозчиков, приказывают идти каким-то совершенно иным и совершенно неразгаданным

путем развития. В первой книжке «Иллюстрированного вестника сельского хозяйства» будут помещены следующие статьи: «Немецкие колонии в Америке и условия успешной колонизации наших земель выходцами из Германии»; «Животное удобрение, его происхождение, состав и пр.»; «Винокурение и современные винокуренные снаряды»; «Наставление к присмотру за подвижными паровыми машинами и молотилками».

<ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРЕНИЕ: ВЕСЕЛЫЙ РУССКИЙ ЖУРНАЛ>

С.-Петербург, суббота, 3-го
марта 1862 г

Один веселый русский журнал твердо стоит на том, что во всех явлениях, которыми наши дни отличаются от дней недавно прошедшего периода, собственно, нет ничего радостного, что это еще не прогресс, не поступательное движение вперед, а так себе финти-флюшки, детская игра в кошку и мышку. Публика читает веселый журнал и подчас верит ему, а больше читает для удовольствия, потому что весело читать его: авторы все там такие милые, говорят обо всем как-то шутя, мимоходом, и хоть ничего не советуют, зато ни о ком и слова доброго говорить не обыкли. В последней книжке веселого журнала так-таки наотрез сказано, что пятилетние успехи, на которые часто указывают, нам только представляются такими, а на самом деле какие же это успехи? — одна мечта. Ни в жиз-

ни, ни в литературе, говорит веселый журнал, нет никакого прогресса. Поверить этому, однако, очень трудно, особенно когда знаешь, что некоторые публицисты веселого журнала, по неудержимой склонности к забавам, иногда способны впасть в ошибки и заблуждения, свойственные, по их же наблюдению, бурнопламенному г. Громеке и другому, еще более горячему и гораздо более остроумному публицисту. Мы уверены, что веселый журнал погорячился, отвергая всякое движение нашего общества в последние пять лет: безусловно, отвергать это движение невозможно, в той же мере, в какой невозможно прийти от его великих успехов в тот умильный восторг, который объемлет быстро воспламеняющуюся душу хроникера «Отечественных записок» и, при его содействии, сообщается читателям журнала, не имеющего, по мнению г. Григорьева, никакого направления. Впрочем, какое нам дело до направлений? Есть же люди, которых характер есть бесхарактерность, есть и философы, которые говорят: «Keine Philosophie ist meine Philosophie», [9] отчего же не быть на святой

Руси журналу с девизом: «Никакое направление — мое направление», или «всякого жита по лопате». Мы и заговорили о направлении-то только к слову, вспомнив статью г. Григорьева, а то нам Бог с ними, с их направлениями, так как и сами читатели за направлениями не гонятся, а хлопчут все больше насчет веселости. Нам, собственно, дело есть только до того, что веселый журнал, говоря об особенностях пламеннейших наших публицистов, так сказать, избидел русское общество и литературу, отозвавшись полным отрицанием их прогресса. Мы убеждены, напротив, что в течение последних 5—6-ти лет русское общество сделало довольно значительные успехи и что, имея их в виду, нельзя сказать, что в обществе нет никакого прогресса. Само собою разумеется, что успехи эти не так велики, чтобы ими гордиться или приходить от них в умиление à la Громека, но тем не менее их нельзя и отрицать, как это делает веселый журнал. Отчего общество не сделало больших успехов? Это другой вопрос. Веселому журналу, кажется, сдается, что вообще все «не по поступкам поступают», что совсем не

туда смотрят, куда нужно смотреть, и потому он хаает всякое движение. Это очень понятно. Самая суть здесь заключается в почве, существования которой не подозревает г. Антонович, а почва-то эта оказывается совершенно неспособною для питания иноземного растения. Конечно, такое положение очень неприятно и может довольно сильно вооружить против себя всех близких и далеких публицистов; но делать нечего, рано или поздно придется сказать, *errare humanum est*. [10] Нам кажется, что веселый журнал это уже, так сказать, осязает, и оттого у него с сугубою ожесточенностию развивается дух безграничного отрицания. Веселый журнал скучает, не видя вблизи красных дней, а мы, в простоте своей души, рады-радешеньки, что всем нам теперь живется легче и лучше, чем прежде, мы видим, что люди стали больше и зрелее думать и о своих делах, и о общественных; мы замечаем, что нравы понемногу смягчаются, взаимные отношения становятся честнее, что народ год от году будет счастливее, а нам только этого и нужно. Спросят нас: да как же и когда все это будет? Ответим: гораздо ско-

рее и гораздо проще, естественнее и спокойнее разумным прогрессом и постепенными реформами, чем приложится к жизни хоть одна йота учения западных и русских теоретиков, дошедших уже до раскола и до взаимного непонимания друг друга. При таком положении Вавилонская башня не достроится.

Литература наша тоже обвиняется в неподвижности и застое. Пожалуй, тут есть своя доля правды, но правды не абсолютной, а относительной. Сравнивая нашу литературу с литературою некоторых западных государств, разумеется, мы не вправе сказать многого в пользу своей настоящей литературы; но, применяя к ней русскую литературу второй четверти настоящего столетия, мы должны сознаться, что мы все-таки идем вперед, а не назад. Число новых ученых сочинений в наши дни если не больше, то никак не меньше; периодическая литература проникнута реализмом и утилитарностью, что совершенно сообразно времени и обстоятельствам; в беллетристическом роде — талант за талантом, которыми веселый журнал нахвалиться не может; ну, и остроумных и приятных ве-

щей тоже много. Конечно, Гоголь уже не живет, и потому в руках любопытного читателя нет его «Записок сумасшедшего», но есть другие милые вещи, например «Полемиические красоты» г. Чернышевского и т. п. очень милые вещицы, позволяющие ожидать очень многого.

Иногда ведь в самом деле бывает весьма трудно порешить со многим старым. У общества есть свои предания и свои верования, с которыми ему тяжело расставаться и которые, с нашей точки зрения, насильно вырывать не следует. Игра слишком опасная. История обязывает честную литературу не забывать, что у самого либерализма есть разные приемы; что одни его приемы заслуживают всякого почтения, а другие возбуждают чувства совершенно противоположные и до такой степени неблагоприятно действуют на массу, что она пугается красных дней, моля о спасении от либералов, которые тирански кладут каждую личную свободу на прокрустово ложе. В таких случаях обыкновенно последняя вещь бывает горчее первой. Кто сомневается в этом, тем советуем внимательно

повторить историю последних событий во Франции. Это чтение бывает очень полезным для всех забывающих пословицу: «Не все то золото, что блестит», а забывчивость — одна из наших слабостей. Что до нас, то мы не увлекаемся доводами одного нашего журнала о бесполезности некоторых наук и особенно скорбим о недостатке в нашем обществе знакомства с историей человечества. История учит многому, она дает талисман, с которым можно узнавать «волка в одежде овчей», и она же, как сказочный столб, который стоял на распутье, объясняет, на каком свертке коня лишишься и на каком сам пропадешь. Невежество есть та страшная сила, от воспоминания о которой кровь останавливается в жилах и в сердце не остается никакого места для благодарности теоретикам, пришедшим к заключению, что знания портят человека.

С той точки зрения, с которой смотрит на вещи веселый журнал и его бледные и растрепанные сопутники, все представляется в каком-то или мрачном или смешном свете. В видах общей пользы позволительно желать веселому журналу (как выразился «Русский

вестник») «отойти от полуслов и недомолвок и договориться до дела». «Вред монополии», рассмотренный и определенный в ноябрьской книжке «Русского вестника», в настоящем случае очень осязателен. Мы в постоянном убытке от безучастия веселого журнала в наших хлопотах и заботах, а участвовать в них ему, вероятно, не приходится, потому что все наши заботы, с его точки зрения, — одно толчение воды и малосмыслие.

<ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРЕНИЕ: ЕСТЬ ЛИ У НАС ПАРТИИ?> С.-Петербург, воскресенье, 18-го марта 1862 г

Есть ли у нас партии? Полагают, что их нет и что они даже не могут organizоваться в настоящее время. «Это совершенно невозможно, и об этом смешно думать», — говорит «Современная летопись» (см. № 9-й). «У нас еще нет политической жизни, — продолжает эта газета, — и она невозможна, пока народная жизнь организована сословным образом. Партии, как дело серьезное, о котором стоило бы говорить, могут organizоваться только тогда, когда изменятся условия нашего общественного быта и вместо отдельных сословий и пород у нас разовьется общественная жизнь в естественном разнообразии общественных положений. Партии должны проходить через всю народную жизнь, соединять в себе людей всех общественных положений. Теперь у нас возможны только кружки и клики, и этого добра у нас слишком много. Ду-

мать об организации политических партий, прогрессивной и консервативной, при существовании сословий, при неравенстве гражданских прав, означало бы крайнее отсутствие политического смысла». Таково мнение одного из самых солидных русских журналов. Известный своими последними сочинениями московский профессор и публицист Борис Чичерин думает иначе. Ратуя за охранительные начала, он стоит и за консервативную партию, которая должна быть оппозициею для партии прогрессивной. Этот ученый пишет, что «если русское общество способно к самостоятельной деятельности, то из этой бродячей массы, в которой все ускользает из рук, должны выделиться различные направления — зародыш партий. Теперь настала для этого пора; теперь наше дело идет к тому внутреннему строению общества, без которого невозможна политическая жизнь». Вот положение, которое вызвано только что приведенным мнением «Русского вестника». Обстоятельства, при которых Россия имеет случай ближе познакомиться с образом мыслей и с направлением г. Чичерина, отвели ему в об-

щественном мнении очень определенное положение. Насколько положение это нравится г. Чичерину и насколько оно соответствует его дальнейшим видам, мы определить не беремся: это его дело. Довольно знать, что с именем г. Чичерина для людей известного направления связано понятие, лишшающее возможности давать его мнению какое бы то ни было значение в смысле главных интересов мыслящей русской партии. Однако мы считали бы себя подчиненными силе инерции, если бы стали отвергать основательность мысли г. Чичерина о том, что из русского общества «должны выделиться различные направления — зародыш партий. Теперь настала для этого пора; теперь наше дело идти к этому внутреннему строению общества, без которого невозможна политическая жизнь». Нам кажется, что г. Чичерин этими словами говорит дело и что «Русский вестник», к мнениям которого мы привыкли относиться со всегдашним уважением, несколько ошибается. Он, нам кажется, смешивает причину со следствием, и отсюда вытекает его разномыслие с г. Чичериным. Мы подчеркнули слово отсю-

да, потому что верим в неспособность редакции «Русского вестника» расходиться в мнениях только потому, что мнения эти выражены г. Чичериным. Об этом мы не хотим и думать, ибо такие воззрения свойственны не «Русскому вестнику», и потому-то нам очень интересно уяснить себе: действительно ли в России нет политических партий и они совершенно невозможны в настоящее время, или же «Русский вестник» ошибается?

Для этого нам прежде всего нужно условиться, что мы понимаем под словом партия. По русским корнесловам мы не скрываем происхождение слова партия, и безграмотный народ никогда его не произносит. Торговые люди говорят о партии досок, партии хлеба, партии рогатого скота и т. п. ассортиментах, но человечества на партии не делят. В законодательстве и разных официальных бумагах говорится о партиях рекрутских и ссыльно-каторжных; но о политических партиях никаких трактатов не находится. Слово партия, в политическом смысле, встречается только в литературе, да очень редко в разговорной речи того слоя русского общества, для

которого русские ученые составляют, по немецким словарям, русский словарь иностранных слов, которые вошли или могут войти (?!) в состав русского языка. Из нескольких значений, которые имеет слово *partie*, при переводе его на русский язык, более всего идет к настоящему случаю принимать *partie* как часть целого, как сторону. Люди известной партии — сторонники известного убеждения, известных намерений. Итак, партии вовсе не сословия, и сословия никогда не могут соединить людей в партии, сделать их сторонниками известных политических стремлений. Г. Чичерин и его апологисты, отстаивая сословные начала и придавая им значение, которое они не имеют, остались верными своему частному помешательству, в силу которого на них приходится махнуть рукой. Но есть ли у нас известное политическое сторонничество (партии)? и возможно ли оно теперь, при существовании сословий и при отсутствии политического равноправия?

Несмотря на всю сословность и разноправность, разъедающие общественное единство в России, в обществе нашем без всякого труда

можно заметить сторонников консерватизма и прогрессивного движения. Крестьянство, которое одно пользуется правом называться «русским народом», конечно, не делится ни на какие политические стороны; оно консервативно точно так же, как все купечество и значительное большинство духовенства. Первое, то есть крестьянство, консервативно просто, потому что для него не существует никаких политических вопросов и что, если в его памяти живы какие-либо политические события, то решение их давно отнесено к власти Божией, и они никогда не подвергаются критической оценке. Так будет еще очень долго, и г. Аксаков истопчет не одни подборы, пока глаза его увидят зеленые изумруды русских полей. Остальные консервативны не потому, что они консервативны по своей натуре, но потому, что их интересы тесно связаны с существующими порядками. Дворяне, разночинцы и мещане, словом, все те классы, от которых г. Аксаков и петербургские знатоки русской народности не ждут ничего доброго как от людей, растленных западной цивилизацией и не понимающих ни одной прелести

ни отъемного, ни обычного права, не обладают таким табунным единомыслием, какое замечается у первых. И это очень понятно и очень естественно: эти растленные классы учатся и читают; кругозор их широк, и критические способности развиты весьма сильно. В этих классах в настоящее время есть не только консерваторы и прогрессисты, но и другие, более дробные подразделения. «Русский вестник» совершенно напрасно смеется над этими истами. Зародыши партий у нас есть, ибо у нас есть сторонники определенных стремлений. Это кажется так ясно, что не требует никаких доказательств. Но можно это и доказать. У нас есть «Русский вестник», «Современник», «Вестник промышленности» (был недавно), «Домашняя беседа», «Наше время» и «День».

У каждого из этих изданий есть довольно значительное число подписчиков, а еще больше читателей и почитателей. Каждый почитатель которого-нибудь из этих изданий есть сторонник его стремлений, а группа этих сторонников составляют партию учения, проводимого журналом. Умение воспитать сто-

ронников своего убеждения и есть доказательство, что издание имеет право называть себя журналом, проповедником известного учения, органом людей определенного направления. «Русский вестник», отрицающий возможность партий при существовании условий, сам создал едва ли не самую сильную и не самую честную и разумную партию, представителей которой можно в наши дни встретить во всех тех слоях русского общества, которые не сидят на кованых сундуках и не живут для одного благоутробия. «Современник» читается всеми русскими пролетариями, а особенно офицерами и гимназистами. Все недоученое и самонадеянное — партия «Современника», все «апостолы невежества». «Вестник промышленности» — журнал, стоящий за охранительную систему в торговле; «Домашняя беседа», цинически профанирующая всякое благородное движение в обществе и литературе; «Наше время» и «День» — все они, при самых противоречивых стремлениях, встречаются в обществе почитателей. Отчего же «Русскому вестнику» кажется, что «партий у нас нет и в зароды-

ше», а кружки есть?

Где же видит «Русский вестник» эти кружки? Это иллюзия. Следы кружков у нас гораздо слабее и ничтожнее, чем в любой стране. В университетах, академиях, полках, в обществе чиновников, между самым духовенством нельзя заметить сплоченности кружков, а очень часто видно разнообразие стремлений, известное сторонничество. Оно иногда забывается, и корпоративный кружок заявляет одну мысль, настаивает на одном требовании; но это не доказывает, что у нас есть кружки, но нет партий. Корпоративные кружки, отстояв свои общие интересы, снова распадаются на партии, делаются сторонниками «Русского вестника» или «Современника». Все это в порядке вещей. Сторонники разных стремлений еще не раз забудут всю разницу своих убеждений и сольют свои силы воедино; но затем все они снова распадутся и пойдут к своему развитию, в духе своей партии.

У нас есть не только зародыши партий, но и самые партии. Они слабо заявляют о себе, потому что еще относительно слабы, но слабый ребенок все-таки ребенок, и если в среде,

его окружающей, есть элементы, нужные для развития его организма, то он вырастет и возмужает. Очень справедливо, что политическая жизнь создает партии, но едва ли менее справедливо и то, что партии создают политические события и политическую жизнь точно так, как философы создавали школы, изменявшие человеческие отношения народов.

По нашему мнению, г. Чичерин прав, говоря, что «теперь из русского общества должны выделиться различные направления — зародыши партий. Теперь настала для этого пора; теперь наше дело идти к тому внутреннему строению общества, без которого невозможна политическая жизнь» (курсив подлинника). Пусть сторонники прогресса и охранительных начал выходят в одинаково просторном и удобном к ратоборству облачении, пусть каждый из них берет то оружие, которое ему сподручнее. Чего опасается «Русский вестник»? Он боится, что партии «не организованы», что они «могут организоваться только тогда, когда изменятся условия нашего общественного быта». Все это правда; но нельзя

казакам с своим иррегулярным строем сражаться с французскими гренадерами, а с башибузуками очень можно. Большой разницы в степени «организации» не будет; иначе когда же это они организуются? После «изменения условий общественного быта»? Прекрасно! А когда этот быт изменится? Нет, «Русский вестник», уж лучше дайте партиям создаваться тогда, когда они создаются, и не отрицайте их существования, доказываемого собственным вашим существованием, в то время когда даровитая редакция «Отечественных записок», при огромном интересе печатаемых ею статей, не завербовала себе ни одного сторонника, ибо еще ни один смертный не может постичь: чего желают гг. Краевский и Дудышкин вкупе с лицами, разделяющими их труды по редакции. Мы не случайно сравнили наши публичные органы с школами древних философов. Те из этих органов, которые умеют пропагандировать свое учение, непременно имеют своих сторонников и тем самым свидетельствуют о существовании в нашем обществе партийных начал, причина крайнего неразвития которых лежит не в со-

словном разделении, а совершенно в других причинах.

**<ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРЕНИЕ
— ОКОНЧАНИЕ 60-ЛЕТНЕГО
СРОКА ПРИВИЛЕГИЙ
РОССИЙСКО-
АМЕРИКАНСКОЙ
КОМПАНИИ
ОБЗОР АМЕРИКАНСКИХ
КОЛОНИЙ: ЛЮДИ, СТРАНА,
БОГАТСТВА, НРАВЫ И ПРОЧ.
ЧТО НУЖНО ДЛЯ
ВОЗЗВАНИЯ НАШИХ
КОЛОНИЙ К НОВОЙ
ЖИЗНИ?>**

**С.-Петербург, суббота, 17-го
февраля 1862 г**

Поговорим о самом малоизвестном и отдаленном от нас русском крае, о русских американских колониях. Земля и воды, принадлежащие русским в Северной Америке,

очень мало знакомы пребывающей там более 60 лет русской американской компании, а нам они почти совсем неизвестны. О жителях же этой страны мы знаем, кажется, гораздо менее, чем о жителях планет. По крайней мере, о последних иногда случается слышать в русском обществе какое-нибудь замысловатое рассуждение, а о жителях русской Америки — никогда и ничего. То же самое было и в Англии, и в Голландии, и в Испании с их отдаленными колониями, пока этими колониями управляли торговые компании, вроде нашей Российско-американской. Примеры эти мы приводим, желая показать ими, что наша Российско-американская компания ничем не грешнее разных иностранных торговых компаний, имеющих назначение своею миссиею цивилизовать диких инородцев, наживать капиталы и укреплять в новом крае владычество метрополии. В существе все эти компании действовали одинаково, то есть они употребляли самые энергические меры к извлечению из предоставленной им страны и труда обитающих в ней дикарей возможно большего богатства в возможно кратчайший срок.

Об укреплении владычества метрополии они заботились настолько, насколько это было необходимо в видах их торговых интересов, а для цивилизации эксплуатируемых ими дикарей сначала употребляли разные берейторские приемы, а после, когда часть дикарей стала ходить и под седлом и в шорах, они ограничивались внешним попечением о их духовном и нравственном развитии. Так, они заводили школы, в которых учеников было очень мало, а ученья еще менее; крестили дикарей с помощью ничтожных подарков, на которые так падки младенствующие инородцы; посылали к ним проповедников, которых дикари не понимали и которые сами не понимали дикарей и затем доставляли метрополии красноречивые отчеты с описанием благоденствия отдаленной территории и о быстрых успехах там цивилизации. Отчетам этим везде верили довольно долго, а если и были скептики, сомневавшиеся в их справедливости, то компании всегда имели довольно средств опровергать эти сомнения и получать себе новые привилегии, дававшие им особенные права в стране цивилизуемых ими дика-

рей. Все торговые компании, как и все торговые люди, постоянно облекали свои хозяйственные распоряжения самую тщательную таинственностью, составляющею как бы принцип торговых операций. Без такой таинственности компании никак не могли обойтись. Во-первых, она закрывала от метрополии истинные богатства территории и, что всего важнее, устраняла возможность критической оценки мер, содействующих успехам компании, а меры эти сплошь и рядом были таковы, что компания, знающая господствующие взгляды своих соотечественников, не могла ожидать за них ничего, кроме порицания. Порицания же своих действий, конечно, не желала ни одна компания и, боясь обнаружить их, оставляла метрополию в самом глубоком неведении обо всем, касающемся территории. Наша российско-американская компания осталась верною этому принципу других европейских торговых компаний, хозяйничавших в Индии и на материке Нового Света.

С тех пор как в 1741 году капитан Беринг открыл Алеутские острова, их начали посе-

щать многие русские промышленники, а в 1764 году правительством дарована привилегия компании купцов Югова и Трапезникова на производство там пушных промыслов и сбор с инородцев ясака в пользу правительства. Компания эта не владела средствами для больших операций в Америке, и вскоре явилась новая компания купца Шелихова и двух братьев Голиковых. В 1797 году семейство Шелихова образовало уже единственную торговую компанию в Америке и устроило главное управление ею в Иркутске. Иркутское начальство известило об этой компании русское правительство, и Император Павел I велел ей, «по примеру иностранных компаний», составить для себя правила и представить их на утверждение в коммерцколлегию. Компания составила правила и приняла на себя обязанность распространять оседлость и торговые операции, открывать новые земли и острова, распространять христианскую религию, заводить с жителями вновь открытых стран торговые сношения и развивать торговлю России на Тихом океане. Император Павел I одобрил этот акт и 8-го июля 1799 года утвер-

дил за компаниею 20-летнюю привилегию. Компания начала хозяйничать, и акции ее поднялись втрое против первоначальной цены. В 1800 году правление компании переведено из Иркутска в Петербург. В 1802 году покойный Император Александр Павлович внес в компанию 10000 р<ублей> с<еребром> в пользу бедных, отпустил компании заимообразно 250000 р. из заемного банка и 100000 р. из эсконтной конторы, а в 1806 году в том же эсконте приказано отложить 200000 руб. во всегдашнее пособие компании. По истечении 20-летней привилегии, дарованной Императором Павлом, она возобновлена еще на 20 лет с 1 января 1822 года, а 1-го января 1842 года возобновлена снова на 20 лет, и, по нашему счету, 1-го января 1862 года эта привилегия в третий раз окончилась. О том, что последует за окончанием этой третичной 20-летней отсрочки, мы положительных сведений не имеем, а, по слухам, хозяйственное распоряжение компании в Америке еще не прекращено. Во всяком случае, вопрос о русских владениях в Америке становится в ряд наших очередных вопросов, и мы постараем-

ся заняться им, насколько позволят обстоятельства и сведения, дошедшие до нас о состоянии страны, цивилизуемой сподвижниками и наследниками русских Колумбов.

Нам нет нужды говорить нашим читателям о том, что ни домашние счета компаньонов, ни другие интересные бумаги, писанные кем бы то ни было на Ситхе, не дошли до нас, точно так же, как и отчеты, которые правление компании представляло нашему правительству. Мы не можем даже удовлетворить своему любопытству, отыскивая частных корреспондентов из Ситхи, и потому в рассуждениях своих об Америке должны ограничиваться тем, что дошло до нас посредством печати. Сочинений этих мы видели очень немного: одно из них принадлежит г. Тихменеву («Историческое обозрение Российско-американской компании и действий ее до настоящего времени»), а другое («Обзор русских колоний в Северной Америке») — капитан-лейтенанту Головину; последнее напечатано в январской книжке «Морского сборника» за 1862 год. Отрывочных сведений, вроде писем доктора Говорливого и диссертации

доктора Блашке («Topographia medica Portus Nowo-Archangelscensis»[11]), нельзя рассматривать как материалы для построения предположений об устройстве, приличном для наших американских колоний, ибо эти отрывочные сведения не выражают общего состояния страны. Сочинение г. Тихменева впервые познакомило русскую публику с историею американской компании и дало некоторое понятие о характере ее деятельности. Однако и это сочинение не дало русскому обществу сведений, столь полных и беспристрастных, чтобы на них можно было построить какие-нибудь разумные теории о том, что нужно устранить из условий, сопутствующих жизни новой страны, и что нужно внести в эту жизнь для того, чтобы доставить каждому из ее жителей возможно большую сумму выгод. Критические отзывы о книге г. Тихменева давно объяснили ее достоинства и недостатки. Главный из ее недостатков, роняющих цену ей в глазах просвещенного и гуманного общества, заключается в чисто промышленном воззрении на образ действий господ компаньонов и их сотрудников. Книга остав-

ляет тяжелое впечатление, под которым понимаешь только, что смиренные алеуты сделались почти крепостными людьми компании, что каждая шкура бобра стоит иногда жизни нескольких алеутов, что им привиты сифилис и разврат, а что храбрые колоши, известные нам по рассказам Фенимора Купера, не покорены ни лживыми ласками, ни силою руки; что компания разбогатела, а ее работники алеуты бедны и бессильны в такой степени, в какой масса рабов безопасна для эгоизма горсти ее эксплуататоров. «Обзор русских колоний в Северной Америке», написанный капитан-лейтенантом Головиным[12] в 1860 году и напечатанный в январской книжке «Морского сборника» за 1862 год, впервые знакомит нас с тем, что около 60-ти лет назад должно было знать и могло знать русское общество, если бы это соответствовало видам Российско-американской компании. Объем газетной статьи не позволяет нам сделать многих извлечений из любопытнейшей статьи г. Головина, и мы ограничимся только указанием на то, как хозяйничала компания в землях, водах и людях, зависимых от рус-

ского правительства, ибо это нам теперь необходимо знать, для того чтобы помечтать: какие иные приемы хозяйства могут принести более пользы для нашей далекой стороны и для самих нас.

Известно, что, поощряя компанию, правительство имело в виду распространить влияние России на Тихом океане, в Китае и Японии, а также пробудить торговую деятельность в Восточной Сибири. В 1819 году компания имела оседлости на островах: Командорских, Ахте, Уналашке, Павле, Георгии, Кадьяке, Баранове, или Ситхе; на американском берегу в Кенайском заливе, и сверх того у нее было несколько редутов. В заливе Якутат было основано селение «Слава России», но в 1803 году пришли колоши и разорили это селение, а другое селение на острове Урупте разрушилось «от дурного управления назначенного туда компаниею приказчика». Было еще селение Росс, около которого климатические условия и качество почвы позволяли развить хлебопашество, но «компания, видя, что селение Росс не приносит ей никакой выгоды, вследствие дурного управления, уступило его

мексиканскому подданному Суттеру за 42857 рублей 14 копеек серебром, со всем имуществом и скотом, находившимся в Россе». А Суттер повел свои расчеты с компаниею так, что за ним и теперь числится 37484 р. 45 коп. недоимки, а село и местность, на которой мог расти хлеб в этой неплодородной стране, потеряны. Потеря эта очень чувствительная, если взять во внимание, что в других местностях, заселенных по соображениям компании, хлебопашество не сделало успехов. Рассадка лесов, в изобилии покрывающих континент, не удалась на островах, как полагает г. Головин, «по недостатку сведущих в этом деле людей». В земле скрыты многие минеральные богатства: каменный уголь, обсидиан, базальт, графит, глина разных сортов, красный мел, охра, краски разных цветов, сера, самородная медь и золото (на кенайском берегу). Все эти богатства не разработаны, и нельзя решить, выгодна ли их разработка, потому что для этого не сделано никаких исследований или, если они когда-нибудь и были сделаны, то составляют, вероятно, секрет компании. Отношения компании к туземцам та-

ковы, что туземцы эти делятся на зависимых, не вполне зависимых и совершенно независимых. Степень зависимости соответствует степени мягкохарактерности известного племени, так, например, безответные алеуты, кадьякцы и курильцы принадлежат к разряду зависимых; кенайцы и чукчи составляют вторую категорию, а воинственные медновцы и свирепые колоши совершенно независимы. Из этого видно, что компания приобрела зависимость только тех племен, которые по самой своей природе способны к зависимости, и над ними оправдывает русскую пословицу, по которой «в добрую голову — сто рук». Для соединения же с теми, на которых не действуют ригористские приемы, она не придумала никаких кротких мер, способных склонить этих народцев к подаче руки русским. Компания, напротив, шла теми тропами, которыми обыкновенно победители идут к вражде с побежденными. Эксплуатируя до *pes plus ultra* [13] смирных алеутов и снабжая их (за тяжкие труды и риск своею жизнью) одною юколою да сифилисом, компания показала, чем она награждает народцев за служение ее вы-

годам, и они поняли это, они враждуют, остаются совершенно независимыми, бьют русских соглядатаев и разоряют упомянутое нами селение. Любить русских служащих Российско-американской компании они не видят никакого основания и скорее сходятся со всеми иностранцами, заходящими к нашим берегам, потому что иностранцы платят за шкуры дороже, а не по таксе, как наша компания, и дают дешево ром, оружие и порох, тогда как компания ром продает дикарям только в определенном количестве и по высокой цене (вероятно, боясь, чтобы они не развратились), а оружия и пороху не продает вовсе. Русские, живущие в Америке, поспешили и там внести милые начала кастаторства: они разделились на почтенных, полупочтенных и колониальных граждан. Почтенны те, которые распоряжаются; полупочтенны лица второй степени важности; остальные — казенные матросы, солдаты и рабочие. Нравственность рабочих неудовлетворительна, и это приписывают тому, что они приходят очень развращенными в Америку, а там им исправляться некогда, да и не у чего. Хорошие же русские

люди не едут в службу компании, да и она на этот счет неразборчива в выборе цивилизаторов для алеутов и креолов. Рабочие часто жмутся на алеутках или креолках и, по бедности, уже не возвращаются в Россию, а остаются в Америке, где компания их прокармливает и изготавливает таким образом из них окончательных лентяев и тунеядцев, уклоняющихся от всякой работы. Г. Головин сообщает следующее насчет колониальных граждан. В отчете своем за 1858 год главное правление компании написало: «Будучи обеспечены со стороны компании во всех нуждах и потребностях своих, колониальные граждане представляют собою население нравственное и трудолюбивое. Для пребывающих временно в колонии они служат весьма полезным нравственным примером того попечения, которое прилагается о людях, с усердием и пользою окончивших свое служение компании». По удостоверению г. Головина, оказалось, что колониальные граждане ничего не делают, чванятся своим происхождением и не хотят работать вместе с алеутами, нуждаются, Бог весть как перебиваются со дня на день, но не

хотят трудиться сами и не пускают детей, а в то же время недовольны и компаниею за все вспоможения, которые она им делает. «Словом, говорит г. Головин, колониальные граждане суть не что иное, как далеко не нравственные дармоеды». По его выводам, этот новый класс русских людей никуда не годен и для компании, пока она заправляет краем, и для правительства, если оно примет управление на себя. Веруя в то, что нет действия без причины, мы желаем, чтобы нашлись добрые люди и указали бы нам на условия, способные вызвать наших соотчичей из той лени и отупения, к которым они привыкают, состоя на хлебах Российско-американской компании. Мы, конечно, не видали их и верим на слово г. Головину, но полагаем, что, если бы колонисты не были расселены в таких местах (по островам), которые «по климатическим условиям не годны для земледелия и для всякой промышленности, кроме промысла морских зверей и рыбы, тогда как они к этим-то промыслам и питают отвращение». Это обстоятельство снимает с пьянствующих под компанейской опекой русских лентяев значи-

тельную долю их вины. Лишенные собственности и приученные к житью под компанейской подачкой, при условиях, указывающих им на единственный промысел, который не отвечает их вкусам и стремлениям, колониальные граждане исправляться не могут ни при кормежке, выдаваемой от компании, ни при правительстве, если оно не взглянет на их положение с другой точки. Собственность, необходимость трудиться и выгодная среда деятельности — вот первые условия, при которых возможно нравственное поднятие опустившихся под компанейским покровительством граждан, а сам же г. Головин указывает несколько приморских пунктов, занятие которых даст русским средства подниматься внутрь страны, внутрь богатств и внутрь инородческого населения, имея постоянное сообщение с морем посредством рек: Медной, Сушитни, Квицхахи и Куононвимы. Зачем же все это упущено из виду, и зачем в течение 60-ти лет компания ничего не сделала в пользу страны и в пользу прочного устройства своих старых слуг? Зачем не сделать было их самостоятельными людьми, а не какими-то

пансионерами, за которыми наблюдают компанейские дядьки? Земли и угодьев довольно, кажется; введению поземельной общинной собственности, надо полагать, ничто не мешает, и потому, право, кажется, следовало бы взяться за эту меру, хоть в виде опыта, но с полным убеждением, что собственность и общинный дух внутренних распорядков и внешней обороны никогда не портит человека и питает его духовную нищету гораздо лучше, чем каша из компанейского котла питает его желудок. Почти невероятно, что в течение 60-летнего заправления русскими землями в Америке Российско-американская компания даже не проникла в глубь страны и ничего не может сообщить о тех ее богатствах, которые нельзя забрать в свою пользу с помощью одной монополии и привилегии гонять на работу алеутов. Но как верить тому, что самая середина острова Ситхи, на котором процветают компанейские магазины с ромом и солониною из Гамбурга, неизвестна и не исследована... а есть догадки, что там места прекрасные. Кто-то, когда-то собственной персоной проходил на лодке далеко в глубь острова

и вернулся в восторге от виденного; но тем дело и кончилось. Компании, занятой битьем бобров и цивилизацией алеутов, нечего было входить в какие-либо исследования. Ее интересы не в успехах географии и не в тех богатствах, которые ждут упорного и разумного труда, ибо плоды этого труда могут показаться только после срока привилегии, а до окончания этого срока алеуты безропотно садятся в утлые байдарки, промышляют бобров и подставляют свои жалкие лбы под томагавки, направляемые колошами против алеутских цивилизаторов. Г. Головин полагает, что в 60 лет можно было много сделать и для зависимых от компании людей, и для устройства мирных отношений с колошами. Мы вполне этому верим и очень сожалеем, что наша американская компания во всем этом сделала не более тех компаний, по примеру которых она устроена. Мы не можем разбирать всех дурных и хороших сторон ее распоряжений промыслами, которые, по мнению капитан-лейтенанта Головина, в руках частных промышленников подверглись бы гораздо большему истощению, чем в руках компании. Для этого

нужно иметь положительные данные об уловах, о расходах, на них производимых, о чистой прибыли компании и о процентах, получаемых ею от продажи бобровых шкур, цена которых понизилась после того, как бобровые воротники в нашей армии заменились барашковыми. Нужно также знать что-нибудь хотя приблизительно и об отношении у промысловых животных к общей их массе, появляющейся в американских водах, но ничего этого мы не имеем и потому не будем спорить о том, что отдельные промышленники в 60 лет выловили бы бобров более, чем выловила их и распродала по монопольной цене американская компания. Это может быть справедливо, но могло случиться только при совершенном безучастии власти, регулирующей разработки естественных богатств страны. Если есть опыты, показывающие вредное вмешательство власти в промысловые дела, то есть и другие опыты, свидетельствующие о возможности регулировать рвение промышленников таким образом, что они не будут вправе считать себя стесненными в операциях, а промыслы не подвергнутся

опустошениям в короткий срок. К числу таких опытов мы можем причислить установление сроков и способов промысла. Такие меры введены отчасти у нас в отношении к ружейной охоте, но у нас они, как известно, к сожалению, очень дурно исполняются; зато их широкое и разумное применение мы встречаем в Скандинавии, воды которой открыты частным промышленникам и, благодаря разумным правилам для промыслов, несколько не оскудевают. Таких же опытов, чтобы монополия промысловой компании оказалась полезною для государственного и народного интересов, мы не встречаем нигде, и, считая своею обязанностью более заботиться о выгодах русского народа, чем о барышах Российско-американской компании или даже о благоденствии самих бобров, мы не видим основания разделять мнения г. Головина относительно необходимости оставить промыслы в руках компании после того, как прочие части управления будут приняты правительством. Мы уверены, что в этом нет никакой нужды и что промыслы в американских водах можно очень хорошо регулировать, а за-

ботиться о барышах компании, после шестидесятилетнего ее существования, было бы смешно. Полагаем, что даже если бы некоторое время бобровый улов несколько уменьшился оттого, что найдутся люди, которые отвлекут руки алеутов к другим прибыльным делам, например к китовой ловле и проч., то от этого никому никакого худа не последует, а сумма общих выгод зависимых и независимых людей к русской Америке возрастет. Доказать это нетрудно словами самого г. Головина. Он с такою ясностью, которой нет у г. Тихменева, вывел, что компания сделалась полною помещицею наших владений в Америке. Но права ее гораздо шире известных нам помещичьих прав: ей принадлежит монополия ловов, пользование трудом всех алеутов, расселение их сообразно не их выгодам, а своим расчетам. Она скупает у промышленника зверя по старой и весьма низкой таксе и другого покупателя к скупу не допускает; она снабжает жителей всем, что они требуют, из своих магазинов по монопольной цене, и других продавцов, кроме ее, также нет, да если бы они и были, то у них нельзя ничего ку-

пить, потому что компания платит за работу и товар не деньгами, а своими марками, которых нигде, кроме магазинов, не принимают. Товары и продукты, продаваемые в компанийских магазинах, бывают часто дурного качества, и компания запасает их безрасчетливо и мало. Последнее условие заставляет ее входить в разбирательство, сколько кому чего отпустить, и некоторые товары она отпускает «почетным» по одной цене и вволю, а другим по иной цене и в самом ограниченном количестве. Так, например, «почетное» лицо платит за бутылку рому 3 руб. 50 коп. ассигн<ациями>, а другим та же бутылка выдается за 35 рублей. «Почетные» берут ром для себя и за две бутылки приобретают бобровую шкуру, стоящую по таксе 50 руб. ассигн<ациями>. Инородец отдает ее потому, что сам должен заплатить за эти же две бутылки 75 рублей. Отсюда происходит желание продавать шкуры иностранцам, которые дают за них рому и всяких продуктов больше, чем дает компания. Компания, конечно, преследует этот торг, и все прелести запрещений являются на сцену, разумеется, не принося никому выго-

ды, кроме утехи сердцам «почетных». Креолы и алеуты развращены, пьянствуют, отдают на подержание своих жен, ужасно страдают от сифилиса и цинги, питаются юколой, потому что компания не находит выгод приучать их к хлебу, в котором в ее магазинах встречается частый недостаток. Колоши тоже развратничают и пьянствуют, а при удобном случае убивают русских и промыслы свои охотнее сбывают иностранцам. Распространение христианства между инородцами чисто фиктивное. Щеголяющая цифрами своих отчетов, компания только о цифрах и заботится: главная задача ее окрестить и записать лишнюю единицу к сумме призванных в лоно православной церкви, а не убедить дикаря в высоких истинах Христова учения. Дикари крестятся за подарки и продолжают жить по-прежнему, забывая совсем, что они приняли новую веру, налагающую на них новые обязанности к себе и к ближнему. Русские миссионеры не понимают просвещаемых, а просвещаемые не понимают их; самая исповедь происходит через толмачей, которые часто не понимают ни кающегося, ни разрешающего гре-

хи. Учителям в школах платят часто менее сторожей при магазинах, и это очень понятно. Магазины компании нужнее школ. И так далее, кучи фактов свидетельствуют, что для блага страны нужна иная администрация, более правильная и имеющая в виду истинную цивилизацию страны и открытие ее метрополии, а не одни свои торговые виды и удобничество своим принципалам. Все это прекрасно рассказано в статье Головина и закреплено его выводом, что «во всех случаях, когда благоустройство колоний, улучшение быта туземцев и заезжих русских обещали компании прямую выгоду, она не щадила издержек. В тех же случаях, где выгоды были сомнительны или же требовались энергия и предприимчивость, она бездействовала или принимала полумеры». После этого ясно, что нужно прежде всего сделать, для того чтобы открыть колонии для той цивилизации, какую могут внести в нее предприимчивые русские люди при достаточном ограждении иностранцев от всякого покушения на порабощение их труда. Мы согласны с г. Головиным, что компанию нельзя много винить, потому

что «она действовала из барышей и иначе не могла бы существовать». Думаем также, что несправедливо было бы отнять у нее право собственности на ее постройки и заведения; но не видим основания оставлять за нею промышленную монополию. Промыслы только и могут привлечь в эту сторону из России людей, пока они увидят возможность заняться разработкою других богатств, сокрытых в земле, водах и лесах. Оставить в руках компании самую легкую и самую прибыльную отрасль промышленности значит импонировать колонизацию русской Америки. Если она и пойдет, то пойдет бесконечно медленнее, и сила капитала всегда будет у нынешней компании, которая, с утратою административных прав в крае, будет владеть и нынешними его жителями, и новыми колонистами по праву капиталиста. А экономическая безурядица порабощает вернее всякого неустройства чисто административного. В этом, вероятно, согласится с нами и г. Головин, а согласясь в этом общем положении, он, может быть, не станет отрицать, что для общего блага людей, заинтересованных в аме-

риканском вопросе, можно рискнуть суммою бобровых шкур, особенно когда есть средство обезопасить и этот риск мерами, вполне достигающими своей цели у скандинавских берегов.

Во всем остальном мы совершенно разделяем предположения г. Головина. Они нам так нравятся, что мы, во-первых, считаем обязанностью познакомить с ними наших читателей, а во-вторых, пожелать им скорого осуществления не только в Американской России, но (с приличными изменениями) и в других странах, считающих себя цивилизованными на европейский лад.

Г. Головин полагает, что «главный правитель или губернатор колоний должен быть назначаем от правительства. Права губернатора должны быть обширны, особенно в отношении к независимым инородцам, но ограждены (скажем, и ограничены) положительным законом. Необходимо, чтобы губернатор был лицо самостоятельное, не подчиненное никакому генерал-губернатору, и отчеты в своих действиях представлял только высшим правительственным учреждениям.

Число чиновников при нем крайне ограничить, отнюдь не вводя различных губернских учреждений, несовместных с условиями края. Поселенцы, к числу которых должны быть причислены и креолы, управляются избираемыми ими старшинами, на общинных началах. Подвластные инородцы, как, например, алеуты, а впоследствии и другие, управляются избираемыми ими тайонами также на общинных началах. Земли, занятые теми и другими, должны составлять их собственность. Все споры по имуществам должны решаться общественным приговором без всякого вмешательства со стороны колониального начальства и только по желанию самих туземцев могут восходить на решение к губернатору. Кроме военных крейсеров, в колониях не должно быть никакой особой полиции или чиновных властей. Устроить миссии на иных началах и чрез миссионеров действовать на враждующие дикие племена, принимая на воспитание их детей, сближаясь с ними, сколько возможно, освобождая колгов (рабов), а в случае надобности[14] действуя и открытою силою. Миссионеров готовить из

креолов и из самих инородцев. Училища содержать на счет казны до тех пор, пока будет возможна желаемая передача их общинам, но за обучение не требовать обязательной службы, а лучше брать небольшую плату.[15] Российско-американской компании предоставить в вечное пользование те местности, на которых она имеет теперь разные оседлости или заведения, определив границы этих владений. Промыслы морских зверей предоставить ей на известный, но продолжительный срок, в тех местах, в которых она до сего времени их производила.[16]

Всем русским подданным, желающим заниматься промыслами (кроме промыслов морских зверей в местах, занятых Российско-американскою компаниею), торговлею, исследованиями, предоставляется свобода действий во всех местностях колоний, не составляющих собственности поселенцев. Найденные ими добычи принадлежат им нераздельно. Желающим отводятся земли и угодья в вечное пользование. Запрещение продавать туземцам водку, оружие и порох отменить, как не достигающее цели. Для иностранцев

открыть Новоархангельск и Павловскую гавань, предоставив им право свободной торговли с жителями, но воспретить вывоз шкур морских зверей, так как этот промысел будет привилегиею Российско-американской компании.[17]

Устроить правильное сообщение с Калифорниєю, а следовательно, и с Россиею, потому что сообщение чрез Амур и Сибирь гораздо затруднительнее: Амур и Охотское море 7 месяцев заперты льдами».

Вот основные предположения г. Головина об устройстве далекого русского края. Кроме тех пунктов, в которых мы с ним не видим основания согласиться, за всеми другими мы признаем много практического смысла и полагаем, что жители русской Америки не станут считать себя несчастливymi, если предположения г. Головина осуществятся. Общий характер его предположений относительно устройства края ручается за то, что край этот скоро не будет для России — *terra incognita*. [18]

**<ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРЕНИЕ:
СПОР О ПРАВАХ И
ЗНАЧЕНИИ РУССКОГО
ДВОРЯНСТВА. — МЫСЛИ О
ЕГО «ТОРЖЕСТВЕННОМ»
УНИЧТОЖЕНИИ В
НЫНЕШНЮЮ ПОРУ. —
МАНЕРА ВСЕ ДОВОДИТЬ
ДО КРАЙНОСТИ. — НАШЕ
МНЕНИЕ ПО ДВОРЯНСКОМУ
ВОПРОСУ>**

**С.-Петербург, пятница, 16-го
февраля 1862 г**

Говорят, что если двое умных и честных людей в чем-нибудь между собою несогласны, так в этом несогласии самую важную роль играет то, что они неясно понимают друг друга. Обыкновенным результатом спора между такими людьми бывает соглашение их разно-

мыслия таким образом, что каждый из них, соглашаясь с мнением своего противника, не чувствует потребности отречься от своего коренного убеждения. Этот странный, по-видимому, факт был часто замечаем очень многими, и все наблюдавшие его согласны в том, что высказанное нами положение имеет большое применение в жизни. Очень недавно мы имели прекрасный случай поверить эти замечания в одном весьма интересном и весьма характерном споре.

В литературе зашла речь о сословных правах русского дворянства. Редакция одного органа, поздравляя публику «с новым годом, с новым злом и новою ложью на старое зло и на старую ложь», сказала, что «дворянству было бы необходимо торжественно, перед лицом России, совершить великий акт уничтожения себя как сословия» и что «всякое иное решение отзовется вредными последствиями для самого дворянства». Редакция другого из числа самых видных периодических русских изданий восстала против рациональности такого желания. Между умными людьми завязался довольно жаркий и весьма интересный

спор, в котором, для удовольствия публики, приняли участие еще два, три органа. Присоединение голоса трех последних участников в этом споре угрожало придать ему тот милый полемический характер, который ставит предмет спора на задний план, а на авансцену выдвигает личность спорящих. Были минуты, когда мы опасались, что интересный спор о дворянских привилегиях совершенно стушется, но, слава Богу, этого не случилось. Две несогласные в мнениях редакции не сбились с своего пути, а прочие, успев заявить друг другу знание своего взаимного уважения и несколько обычных любезностей, частью перестали писать об этом вопросе, а частью приучили публику не обращать внимания на статьи, печатавшиеся у них по этому предмету. Умным людям пришло время выговориться друг перед другом, и, выговорившись, они нашли возможность согласиться, подтвердив, таким образом, старое поверье, что умные люди всегда согласятся, если поймут друг друга. Мы не входим ни в какую полемику по этому предмету, потому что с самого начала спора о том: следует ли дворянам снять с себя

нынешние права своего сословия? или же уместнее широкие права распространить на другие сословия? мы не сомневались в решении этого спора. При заявлении тремя прикнувшими к спору редакциями своих требований о сохранении дворян как сословия и вообще о необходимости корпорационных начал, мы были твердо уверены, что подобные заявления никогда не встретят большого сочувствия в современном русском обществе, и не считали нужным обращать столбцы нашей газеты в бесполезные словопрения о правах, в смысле которых никто не сомневается. Мы подумали о своих правах и нашли, что они не позволяют нам занимать общественное внимание одними полемическими красотами. Вот почему в «Северной пчеле» до сих пор не было выражено мнения о дворянских привилегиях.

Вопрос о дворянстве рассматривался в «Дне», «Современной летописи Русского вестника», «Нашем времени», «Северной почте» и «Русском инвалиде». Три последние отстаивали законность и необходимость дворянства как сословия. Приобретший в последнее вре-

мя большую известность московский профессор г. Борис Чичерин, со всею своеобычностью отличающих его дарований, сказал очень много прекрасного для того, чтобы доказать необходимость у нас могущественного и образованного tiers-état.[19] Ученый профессор, приведя себе на память разные благоустроенные государства древних и новых времен, признал нужным снабдить Русь для ее блага тремя сословиями, из которых одно будет иметь областное преобладание, другое — городское, а третье будет преобладать неизвестно над кем в селах. Этот, может быть, очень остроумный план разнокачественных преобладаний, начертанный московским профессором, никому не понравился. Употребляя в своих ответах местоимение мы, г. Чичерин, очевидно, мог рассчитывать только на совместничество одного г. Павлова, редактора газеты «Наше время», в которой проповедовалась чичеринская теория общественного деления по классам. Участь этого учения, кажется, решена; оно не вызвало ни в ком сочувствия, стало быть, оно не привилось к нам, пало, и сражаться с ним все равно, что

воевать с ветряными мельницами. «Русский инвалид» также отстаивал благородное российское дворянство, но отстаивал его с какими-то не совсем понятными стремлениями, в которых чудились и идеи Монтескье, и самодельные планы иных авторов. Характеризовать подробности всех замечательных статей по вопросу о дворянстве мы не будем. Это заняло бы много времени и много места, которое мы должны беречь даже в тех случаях, когда речь касается заслуг московского профессора г. Чичерина и его прав на общественное внимание. Для представления нашим читателям, что и кем из наших собратий сделано в вопросе о дворянстве, приведем короткое, но ясное выражение «Дня» (см. № 15-й). Этою во многих отношениях противоречивою, но тем не менее весьма почтенною газетою высказана мысль, что с уничтожением крепостного права русское дворянство утратило отдельное значение в ряду государственных сословий и «торжественно, перед лицом России должно совершить великий акт уничтожения себя как сословия». Мнению газеты «День» резче всего противоречит «Северная почта», утвер-

ждающая, что подобные статьи не выражают мысли правительства, не согласны с точным смыслом новых узаконений и не соответствуют правильному развитию проистекающих от него последствий. Редакция «Дня», имеющая достаточные основания судить о степени разномыслия своих оппонентов, формулировала отношение их к мысли о сравнении словесий таким образом: «Статьи, напечатанные в газете „День“, положительно несогласны с мнением „Северной почты“. Всего ближе к мнению „Северной почты“ стоит „Наше время“ с г. редактором и с г. Чичериным, затем „Русский инвалид“. Что же касается „Современной летописи“, то в ее мнении существенной разницы с нашим мнением мы не видим». Очень радуемся, что редакция «Дня» нашла возможность примирить свои стремления в вопросе о дворянстве со взглядом на этот же предмет «Современной летописи», и с прискорбием смотрим на пробел, которым оканчивается передовая статья 15-го №. Мы тоже не видим существенной разницы в мнениях «Современной летописи» с мнениями «Дня» и в выражении своего голоса о дворян-

стве и его современном значении более всего чувствуем себя способными разделять основные положения, высказанные редакциями этих газет. Мы не друзья и не поборники словесных привилегий, но полагаем, что уравнение сословий во всех правах есть то же самое, что уничтожение сословий. Мы не видим также ошибки в мнении «Дня» об утрате дворянством самой важной своей привилегии с освобождением крепостных людей. За всем тем, по нашему мнению, нет никакой побудительной причины и никакого разумного основания желать, чтобы наше дворянство теперь «торжественно, перед лицом России, уничтожало себя как сословие». Это было бы гораздо более торжественно, чем практично. С сословием связаны его права, а с правами — его сила и средства к принесению добра себе и людям. Мы понимаем, что, ввиду голодующего населения, похвально раздать свое жито на семена для будущего посева, но не видим основания отказаться от своих прав на житницу, бросив ключ от нее в море. Хорошо, если бы самоуничтожение себя русским дворянством принесло какую-нибудь существен-

ную пользу другим сословиям, и по преимуществу крестьянству; но мы этой пользы не видим и потому, нисколько не разделяя идей, приводимых г. Чичериным, «Русским инвалидом» и другими, не находим сообразным с обстоятельствами, чтобы относительно полноправнейшее наше сословие совершило торжественный акт своего уничтожения.

Повторяю, что стремления «Дня» сnivelировать русских людей действительно имеют много обаятельного, но и грешно отрицать то, что очень много вещей, увлекательных в теории, на деле приносят гораздо более вреда, чем пользы. Отрешение от своих прав не в пользу ближнего, а ради одной «торжественности» входит в разряд вещей именно такого рода, и если бы низшие сословия русских людей хорошо знали права и преимущества дворянства, то они не присудили бы им отречься от них, а разве посетовали бы на неуменье пользоваться ими. Из всех способов уравнивания разноправных и разносильных субъектов известны наиболее два: или довести сильнейшего до состояния слабого, или же слабого поднять до положения силь-

ного. Выбор, кажется, незатруднителен. А что касается имени, которым кого как называют, то имя — звук пустой. Оно живет до тех пор, пока видима отличка, а сгладится эта отличка — забудется и имя. Многие или почти все наши газеты и журналы утверждают, что нам во всем должно идти по пути, совершенно отличительному от того, по которому шла и идет Западная Европа, и «День» стоит во главе этого учения. Мы, разумеется, не позволим себе оспаривать ни одной слабейшей черты этого льстящего нашей национальной гордости учения и со всею искренностью готовы сказать, что в деле полнейшего уравнивания прав Россия действительно пойдет совершенно иначе, чем другие страны, и что, при всех «сословных перегородках», замечаемых г. Чичериным во внутренней жизни, в самом смысле народа нет никаких «перегородок». Как ни сильна разъединенность наших сословий (собственно сословий у нас даже вовсе нет, и самый 9-й том «Свода законов» называется не законами о сословиях, а законами о состояниях), в них не заметно тех почти разноплеменных отличий, которые видны в ан-

глийском лорде и пролетарии. Мы предвидим возражение и сожалеем, что не можем оговорить его. Просим только вспомнить, что всеми усилиями русского человека к достижению высших сословных отличек руководило постоянное и самое естественное стремление к возможно большей полноправности. От древнего новгородца до крестьянина, перечисляющегося в третью гильдию, — во всех один и тот же двигатель. Самолюбие и жажда отличий для отличий, правда, встречаются в нашем обществе, но не они руководят главным стремлением массы хвататься за всякий сучок, чтобы из своей сословной клетки перелезть в другую. Как только русский человек не видит для себя никаких выгод в праве именоваться членом известного сословия, он, в большинстве случаев, и не стоит за принадлежащие ему сословные права. Все ищут главным образом права личной свободы и имущественной неприкосновенности. Дворянство до сих пор в этом отношении представляет наивысшую ступень, и ясно, что всем хочется стать на эту ступень. Да что же в этом дурного? Права, как и солнца, освещаю-

щего праведных и грешных, для всех достанет. Пусть стоящие ближе к свету смело подадут руку карабкающимся снизу, из мрака сени смертных. Доля теплоты и света, нужная каждому порознь, не убавится от увеличения пользующейся ими массы, а перевернется лестница так, что на нижней ступени будет то же количество благодати, заставляющей русских людей лезть из сословия в сословие. Можно быть твердо уверенным, что никто не заявит так, как русские, способности оставаться равнодушными к иллюзорным отличкам. Для того, кто внимательно и беспристрастно всматривается и изучает характер и стремления современного русского общества, это не будет представляться парадоксом, и он не найдет основания желать уничтожения самых простых прав, которые кажутся привилегиями только по отношению к уничтоженному законом 19-го февраля виду совершенного бесправия. С уничтожением постыдного права собственности на людей дворянство не имеет более привилегий, которые оно могло бы снять с себя для блага других сословий; у него только есть известные права, и если рас-

сма­три­вать зна­че­ние этих прав в свя­зи с ны­неш­ни­ми об­ще­на­род­ны­ми ин­те­ре­са­ми, то, ка­жет­ся, все­го ме­нее умест­но же­лать от­ре­че­ния от них или стре­миться су­жать до­ступ к ним ка­ки­ми бы то ни бы­ло ро­гат­ка­ми. Если ве­рить, что мы, по сло­вам «Дня», иде­м впе­ред «ве­ли­кан­ски­ми» ша­га­ми и что спеш­ная по­ход­ка на­ша до­ведет нас до иде­ала рус­ской са­мо­быт­ной прав­ды и воз­мож­но счаст­ливой рус­ской жи­зни, то в чем же бли­же ис­кать это­го иде­ала?.. Неуж­то не в том, что со­став­ляет ис­клю­чи­тель­ные пра­ва на­ше­го по­мест­но­го дворян­ства? По­зво­ляем се­бе зая­вить, что мы г­лубо­ко ве­рим в чистосер­деч­ную лю­бовь ре­дак­ции «Дня» к рус­ско­му на­ро­ду и ни­ма­ло не спо­соб­ны стать на сто­ро­ну трех оспари­ваю­щих его га­зет, но и не мо­жем от­де­лить не­ко­то­рой сво­ей сим­па­тии от ос­но­ва­тель­ных идей «Совре­мен­ной ле­то­писи». При всем же­ла­нии оправ­дать очень ве­ли­ко­душ­ную мы­сль о са­мо­уни­что­же­нии дворян­ством сво­их прав, мы дол­жны соз­нать­ся, что, по на­ше­му край­не­му ра­зу­ме­нию, такое «тор­же­ствен­ное» от­ре­че­ние в ны­неш­нюю по­ру бы­ло бы по­лез­но для стра­ны столь­ко же, как «ис­кус­-

ство, живущее для искусства». А нам, полагаем, вовсе не того нужно.

<ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРЕНИЕ>

Отходя от того, что собственно называется нашими днями крестьянским делом, мы позволим себе еще несколько времени побеседовать о вопросах, касающихся крестьянского быта. В ряду этих вопросов, конечно, не последнее место занимает вопрос о народном здоровье, и на это мы обратим внимание наших читателей. Мы не станем говорить о том, как велика у нас общая цифра смертности сравнительно с другими государствами Европы, например с Англией. Основываясь на статистических выводах, сделанных по официальным документам в эпохи, малоотдаленные и чуждые тех опустошений, которые произведены были холерою, мы находим, что число смертных случаев в разных государствах Европы относилось к общему числу жителей очень неравномерно. Почти в одно и то же время, когда в Англии ежегодно умирал один из 52, в Шотландии один из 59, у нас один из 33. Разница весьма ощутительная. Соображая отношение смертных случаев к общему населению европейских государств, мы

увидим, впрочем, что самая меньшая цифра смертности падает на долю Великобритании, и это становится очень понятным, когда мы приведем себе на память историю гигиенических исследований, произведенных в Англии друзьями человечества. Эта история, помещенная Остерленом в одном из немецких журналов, знакомит нас со всею громадною тудою, принятого на себя лордом Астлеем и другими замечательными людьми Англии, «спускающимися в помойные ямы и шнырявшими по каналам, которыми стекали отвратительные нечистоты». В новой литературе других государств мы не знаем документов, которые свидетельствовали бы о подобном тщательном, разумном и аккуратном взыскании причин смертности в народе. Оттого, вероятно, нигде меры, принятые с целью охранения народного здоровья, не достигали таких блестящих результатов, как в Англии. У нас к числу новых сочинений, написанных в этом роде, должно отнести вышедшую в 1860 году книжку Ф. Г. Тернера «О рабочем классе и мерах к обеспечению его благосостояния». Книга эта, кажется, уже рассмот-

рена критикою, и мы не будем говорить о ее достоинстве. Скажем только, что отдел, в котором автор описывает «жилища рабочего класса» (стр. 46—112), очень интересен, потому что он дает понятия о таких жилищах, в каких, вероятно, нигде в другой европейской стране не обитают люди. Не меньший интерес возбуждается этим отделом, когда автор перечисляет «предприятия для улучшения рабочих помещений: а) в Великобритании, б) Франции, в) Бельгии, г) Германии и д) России». Но, несмотря на интерес, возбуждаемый этим местом книги г. Тернера, мы не можем увлекаться его выводами. Скажем, во-первых, об общем впечатлении, которое человек, знакомый с бытом русского рабочего класса, выносит по прочтении второй главы «о жилищах». Впечатление это выражается мыслью, что исследование многообразных причин смертности и болезней в нашем народе не может быть сделано отдельным лицом, точно так же как оно не может быть удовлетворительным, если его станут производить не тем путем, какой был избран английскими «друзьями человечества», то есть общим, друж-

ным усилием просвещенных лиц узнать домашние страдания народа. Мы не можем приводить никаких более или менее пространных выписок и из статьи Остерлена,[20] но постараемся возобновить ее в своей памяти по поводу высказанной кем-то в 195 № «С.-Петербургских ведомостей» «о необходимости обязательного содержания врачей крестьянскими обществами». Мы вообще не поборники всяких обязательных проектов и не симпатизируем им, даже в таких случаях, где конечным стремлением проектирующего стоит распространение грамотности как единственного могучего рычага, способного поднять народ из его печального невежества. Но мысль «о необходимости обязательного содержания врачей» заставляет нас думать несколько иначе. Нам кажется, что, в самом деле, есть «необходимость обязательного содержания врачей в крестьянских обществах». Мы полагаем, что нет основания обязывать человека ни к чему такому, что касается лично его самого, его личных убеждений и интересов; но соглашаемся, что справедливо обязать человека пожертвовать известною долею своих

убеждений и интересов благосостоянию многих. В настоящем случае вопрос представляется именно таким. Домохозяин лично может иметь полное право сохранять в своем жилище всю патриархальную нечистоту и дышать воздухом, в котором, по народному выражению, «можно топор повесить». Запретить ему это удовольствие, заставив вычищать и проветривать свое жилище, было бы несправедливо, если бы это не мешало ничьим легким свободно расширяться. Но такое предположение возможно только как резкое исключение. Человек живет в семье и в сообществе других людей, на которых более или менее сильно влияет его образ жизни. Если окружающие не претендуют, это еще не значит, что они не могут претендовать на право освободиться от скотоподобного образа жизни, ведущего к тяжким страданиям и безвременной могиле. Если они не понимают своего права или не умеют им пользоваться, то их нужно познакомить с этим правом и ввести во владение им. Но как войти в это право? Как им станут пользоваться? Как потребуют его дети, рождающиеся с правом жить, но лишаемые этого на-

слаждения скотоподобною жизнью, которой не может вынести младенец и вскоре после своего появления на свет, прямо от теплой материнской груди, уходит ранним гостем на приходское кладбище? А каково у нас отношение этих крошечных могилочек к общему числу «нивы Господней»? Страшно сказать. Самая значительная часть русских покойников умирают в детстве; к числу их нужно еще прибавить тех, которые в детстве же слепнут от оспы, вывихивают члены и остаются калеками на целую жизнь. В таком положении поневоле задумаешься, не необходимо ли обязательное содержание врачей в крестьянских обществах? Но решить этот вопрос положительно — очень трудно. Как и кто станет обязывать народ лечиться у врача? Здесь очень многое зависит от приема. Что может из этого выйти? Припомним холеру в Петербурге. Припомним другие случаи, где неудачи врача вменялись народным невежеством в злодейский умысел. Вспомним, что может сделать врач там, где его не хотят видеть, где не верят в науку целения, если целитель не обращается к шарлатанству и чарам; что, наконец, мо-

жет сделать врач в селе, где больной лежит в двух шагах от теленка и свиньи и дышит то воздухом, пропитанным нечистыми испарениями, то едким дымом печи, то резкою морозною струею, врывающеюся при каждом открытии двери, которая все время топки совсем отворена настежь? Где, наконец, взять какого-нибудь calomel или cal hydrojodici? Аптеки в деревне нет, да и в уездном городе ее чаще всего тоже нет. Пока съездят в губернский город, можно и девятины отправить; а врачу иметь лекарства по закону запрещено, чтоб не случилось каких-нибудь злоупотреблений. Что же, спрашиваем, поможет тут общественному горю одно «обязательное содержание врачей крестьянскими обществами»? Мы не решаемся стать против обязательного вменения известных гигиенических законов. Это интерес нации, интерес человечества, перед которыми должны умолкнуть интересы личного невежества и эгоизма; но как это сделать, чтобы «последняя вещь не была горче первой»? Вопрос о народных недугах и смертности не раз уже затрагивается в нашей журналистике; но жаль толь-

ко, что в статьях, написанных по этому предмету, очень мало основательности, что авторы их, видимо, руководятся только одним благородным сочувствием народу, но не чувствуют под собою почвы, не владеют знаниями, при которых достигаются цели, недостижимые одним желанием добра. Этот вопрос должен быть рассматриваем, так же как и все другие вопросы, — исторически, и пределы внутреннего обзора не позволяют нам вдаваться в ученые по этому поводу соображения.

<ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРЕНИЕ>

Две недели назад мы говорили о том, как необходима нашим поселянам врачебная помощь и как трудно доставить им возможность ею пользоваться. Мы упоминали о недостатке врачей в селах и о недоверии поселян к лицам медицинского сословия, на которых народ полагается гораздо менее, чем на своих знахарей, бабок и лекарок. Вопрос, касающийся народного здоровья, слишком важен, и мы позволяем себе возвратиться к нему снова. Известно, что не одни поселяне предпочитают лекарей-самоучек патентованным медикам; такое предпочтение весьма ясно высказывается и некоторыми городскими сословиями: купечеством и, в особенности, мещанством. Этих людей очень давно уже стараются отучить от самоучек, пользующихся их симпатиями, и заставить их обратиться к помощи ученых врачей. С такой целью лечение самоучек называется шарлатанством и преследуется законом, но цель правительства таким образом не достигается: народ в большинстве случаев все-таки лечится со своими

лекарями и лекарками, а на окружных, уездных и городских врачей смотрит как на чиновников и не открывает своих ран их благородиям. В этом официальном положении врачей, по мнению медицинской газеты киевского профессора А. П. Вальтера, лежит одна из причин, не допускающих сближения народа с врачами, назначаемыми лечить поселян и граждан в тех небольших городах нашего государства, которые отличаются от сел единственно пребыванием в них лиц городского и уездного управления.

Этот почтенный орган (№№ 22–36 1861 г.) посмотрел на причины разъединения врачей с народом хотя не везде верно, но очень внимательно и добросовестно. По его мнению, как мы уже сказали, нехорошо то, что врач у нас чиновник, а что у нас чиновник, в наше время понятно всякому, а потому не всякий, например, мещанин решится пригласить его благородие, а иногда и высокоблагородие, чтобы поговорить с ним о своих недугах. Это основано на аналогии обхождения с этими людьми других высших (курс<ив> подл<инника>) чиновников, например городничего,

стряпчего и других, с которыми врач составляет одну категорию и которые не допускают обращаться с собою попросту, как народ обходится со своими знахарями. Больные простолюдины не любят рецептов, а хотят, чтобы лекарь сам дал им и лекарство. «Что ты, батюшка, ваше благородие, суешь мне эту бумажку? Что я есть ее стану, что ли? Ты дай мне скляночку с лекарством». Так говорит, по уверению автора, простолюдин медику, а медик не может исполнить просьбу мужичка, потому что ему не дозволено продавать лекарств. Знахарь же дает мужичку свои настои и травы и, таким образом, освобождает его от необходимости идти за сотню верст в губернскую аптеку. «Простой народ также неохотно поступает в городские больницы, ибо, по его мнению, поступить в больницу значит проститься с жизнью». Доктор Добычин, анализирующий в «Современной медицине» отношения врачей к народу, находит, что такое мнение «может быть и справедливо, если принять в расчет состояние больниц». Но при всем разъединении народа с врачами, по замечаниям того же автора, в народе нет совер-

шенного недоверия к медицинским знаниям, и врачи, не преследующие тайных врачевательских, «занимающихся шарлатанским лечением», пользуются уважением народа. К числу причин, поддерживающих симпатии народа к знахарям, относится их умение жить с народом и применяться к народным нравам и обычаям. Люди эти умеют «успокоить и плаксивое дитя, и капризную жену, и дерзкого мужа, а от светского (?!) врача, который, вследствие самого воспитания, не изучал и не знает народного быта, этого ожидать нельзя». Со знахаря довольно 50 коп. за совет и лекарство, а от врача этим не отделаешься, — он чиновник. Эти-то причины доводят народ до того отчуждения, что больные не хотят обращаться к врачам и за бесплатным советом. Очевидно, что врач, удвоив свое внимание к народу и стремясь войти с ним в возможно тесную связь, успел бы сделать очень много в пользу уничтожения народного отчуждения от лиц медицинского сословия, но ему в этом чувствительным образом мешает тяжкая зависимость от множества разных лиц и несообразные с его силами и временем обязан-

ности. Уездный или городской врач часто не имеет возможности отдавать своего времени лечению больных, а предается чиновному промыслу. Сказавши, что врач не пользуется доходами от лечения народа, г. Добычин говорит следующее о его положении: «Класс чиновников, тесно связанный с врачом единством промысла (курс<ив> подл<инника>), также мало доставляет ему дохода. Что такое чиновник города с 4000 жителей? Это какое-то жиденькое, общипанное создание природы. Несмотря на взяточничество, скудость сопутствует ему целую жизнь. Кроме своей бедности, он ничего не может предложить своему доктору, а богатых людей между ними мало. С этим-то классом врач непременно должен жить в ладу, потому что сам принадлежит к той же чиновничьей категории и по различным предметам приобретения чужой собственности находится в приятельских отношениях по части дележа с исправником, становыми приставами, городничим и стряпчим. Нередко чиновники эти обращаются к врачу с такими условиями: „Вы, доктор, лечите меня и мою семью, а мы вам уж постараем-

ся... будут делишки, мы вам представим...“ Зависимость врача от разных лиц, составляющих губернское и уездное управление, беспредельна. Его начальство все, и i это дают ему чувствовать. Г. Добычин рассказывает, что один городничий, которому врач сделал первый визит, встретив его обыкновенным военным взглядом, сказал: „Ты, братец, смотри у меня (курс<ив> подл<инника>), со мной живи дружно! Со мной, брат, и губернатор знаком и инспектор ваш мне приятель! Пони-маешь? Ученость твоя мне не нужна, а когда чуть что <не> так, я тебя упеку. Ты, брат, еще молод, жиденек, а у меня карман-то потолще! Так смотри, не нагадь, береги себя“». Врач даже бывает вынужденным искать расположения у губернского палача, «угощать и дарить его, потому что он клеймит ссыльных, а ответственность за правильное положение клейм лежит на обязанности врача». Обязанности врачей так обширны и многосторонни и требуют такого большого знания законов, что молодой медик после нескольких попыток действовать самостоятельно запутывается и «почтительно склоняет голову перед

юридическим абсурдом». Затруднение врачей еще более увеличивается оттого, что они не имеют средств изучать законы государства. Все места и должностные лица снабжены томами свода законов, и одни врачи составляют исключение. «Самый закон ставит врача в затруднительное положение, обязывая его к разрешению случаев, сомнительных для самой науки. Врач нередко в 2 минуты должен составить диагноз болезни со „всевозможною точностью“ и отнести человека в известный разряд неспособных, имея в виду справедливость и цель правительства, чтобы люди, могущие безвредно продолжать исполняемую ими службу, о которой врачу ничего не известно, не были увольняемы по болезням. Таким образом, одному врачу приходится разом свидетельствовать 50—100 человек и сказать безошибочное мнение о их здоровье. Кроме того, врача часто требуют туда, где в нем нет надобности, и ему приходится бороться с юридическим невежеством, ложно опирающимся на закон. Полиции иной раз напишут такое, что не только не относится к врачу, но один Бог знает, к кому относится, и

так безграмотно, что ничего нельзя понять». Г. Добычин упоминает об отношении, в котором значилось: «Присланные для пользования арестантов, находящихся в тюремном замке, медикаменты при сем препровождаются». Эту бумагу, извещающую о присылке медикаментов, подписывает лицо, которому подчинен врач. Другое влиятельное лицо, судья одного города, требовал от врача разъяснить: какой именно зародыш, человеческий или какой другой, найден врачом в трупе убитой женщины, и основывал свое требование на том, что в какой-то истории рассказывался случай о связи человека с обезьяной, хотя обезьян в уездном городе вовсе нет, и т. п. Все это давит медицинского студента и обращает его в чиновника-взяточника. Он с удовольствием смотрит, «как во время кулачек один квартальный хотел разогнать компанию, но выскочил сам с синяком на глазу, сопровождаемый криком: „Мечи его в рыло! в рыло его!“ Врач радуется случаю, когда какой-нибудь мусье прибьет полицейского солдата. С согласия побитого блюстителя тишины врач наладит ему тертого хрена на глаз-

ные веки, отчего они распухнут, на шее и плечах сделает горчичниками полоски, а раствором лаписа разрисует фигуры, изображающие подтеки, и, разделив его таким образом, свидетельствует в присутствии нанесшего побои: дело кончается выгодно для городничего, для врача и для самого мученика. Если к кому-нибудь можно придраться при вскрытии трупа, то врач наивным шепотом начинает такую речь: „Скажите мне по правде: вы убили этого человека? Ведь я узнаю, и тогда худо будет“. Человек, к которому обращается такой вопрос, крестится, кланяется, что он ничего не знает, а врач свой термин держит. „Нет, батюшка, вы лучше заплатите мне четвертную, я и напишу, что умер от удара, а то ведь знаете: полиция вас замучит!“ Нечего делать: закладывается шуба или серебряный образ, и лекарю вручается четвертная, а человек и в самом деле умер от пьянства или от апоплексии». Доктор Добычин не видит ничего мудреного в том, что врач, упражняясь в таких занятиях, молит Бога, да ниспошлет он холеру или рекрутский набор. Нет ему дела, что польются ручьи слез и понесутся разрываю-

щие вопли жен и детей; нет ему дела до людей, осужденных на гибель! А кто тут прав, кто виноват? Всякий прав по-своему. Надобно жалеть о том, что мы падаем все ниже и ниже и растлеваем все лучшие надежды своей молодости в той тине, которая опутывает нас в нашей пустой жизни. Мы очень благодарны врачу, который с такой искренностью рассказал об отношениях своих собратий к народу; вместе с ним мы готовы искать ответа на вопрос: «Кто виноват, кто прав в этом деле?», вместе же с ним жалеем о том и мы, но не разделяем его мнения, что во всем этом всякий прав по-своему. Идеал правды и истины — один для всех людей, и оправдываться по-своему не значит быть правым перед идеей справедливости. Кто прав в этом деле, отвечать нетрудно: прав народ, который чуждается сближения с людьми, молящими Бога, «да ниспошлет он холеру или рекрутский набор», и держится своих знахарей, «умеющих успокоить плаксивое дитя, капризную жену и дерзкого мужа». Он один — этот невежественный народ — прав, не веруя в помощь людей, которым «нет дела до слез и рыданий», кото-

рые не пускают его дальше своих сеней и обращаются с ним, забывая о его праве на теплое слово участия и вразумления. Этот народ знает тех, кто знает его, кто разделяет его скорби, сочувствует его страданиям и не отказывает ему в слове утешения. Да! народ прав; но не все правы по-своему. Чем же оправдать лихоимца и кривосуда-врача? Недостатками? Да разве недостатки оправдание для гнусных и бесчеловечных дел? Тогда можно оправдать все... Чем правы те многочисленные представители врачебного сословия, которые дали г. Добычину случай первому сказать свое слово о существующей невозможности сближения врача с народом, а налегали только на бесполезное преследование любимых народом знахарей? Чем правы воспитатели доктора Добычина, не позаботившиеся развить в нем всестороннего понятия о правоте дела; наконец, чем прав он сам, стараясь извинять то, чего извинять не должно? Нет, все по-своему не могут быть оправданы. Всем нужно позаботиться, как поправить дело, как сблизить народ с врачами, в которых он нуждается, не делая этих врачей чиновниками, которым на-

род предпочитает своих неученых знахарей, успокаивающих мужа, жену и ребенка. Народ хочет получать у лекаря не рецепт, с которым ему некуда идти, а лекарство, — удовлетворить этому, кажется, очень возможно; по крайней мере этому удовлетворяют деревенские врачи в Германии. Больной простолюдин хочет внимания, утешения — зачем в нем отказывать? Зачем не понять народных скорбей? Зачем не помнить правила, гласящего, что «не будет пахотника, не будет и бархатника». Наконец, народ мало платит; он дает 50 коп. за совет и за лекарство. Это правда, но разве оставаться по 5 лет без места (как это нередко бывает с молодыми медиками) или довольствоваться 190 рубл<ями> годового жалованья полицейского врача лучше, чем получать 300–600 р<ублей>, живя в деревне, облегчая страдания и немощи народа без всяких особых прав вроде преследования знахарей, хуже, чем к 190 рублям присоединять мольбы о холере и наборах? Разве врач, снискавший дружбу народа и облегчающий его страдания, не разубедит его в несостоятельности знахарских понятий и не найдет в этом

народе достаточного вознаграждения за свой честный и почтенный труд? Что же мешает нашим врачам сделаться народными врачами, не делаясь чиновниками? Мешает недостаток сознания: в чем заключается задача истинно образованного человека, недостаток воли и собственной инициативы, наконец, недостаток любви к народу и отчизне и полное забвение всего этого в пользу чинов и права именоваться какой-то спицей в колеснице. Народ нуждается в врачах, врачи нуждаются в месте, но народ нейдет к врачам: ergo,[21] врачи должны идти к народу и облегчать его недуги — вне всяких столкновений с седовласыми городничими. Иначе, непризнанные народом, врачи всегда будут находиться в том тяжелом положении, которое описал доктор Добычин и которое тем гаже, чем оно вернее подходит к описанию. Одно сословие всем лечить нельзя, и это уже очень ясно чувствуется шатающимися без мест врачами. Кто честнее и умнее, тот пойдет вперед и запишет свое имя в числе первых друзей народа.

<ВОЛОНТЕРЫ>

С.-Петербург, суббота, 2-го июня 1862 г

В № 143-м «Северной пчелы» мы заявили мысль о волонтерах пожарной команды. При настоящих обстоятельствах, мы полагаем, нужна еще другая помощь полиции со стороны общества. И в обыкновенное время полицейские средства столицы недостаточны, а при настоящих обстоятельствах они совершенно ничтожны. В 3-й адмиралтейской части, например, в которой до 60000 тысяч жителей, Гостиный двор, сгоревшие Щукин и Апраксин, множество ремесленных заведений, Сенная площадь, — в 3-й части, которую перерезывают Невский, Гороховая и Вознесенский проспект, а также Садовая, и через них каждый день проедет и пройдет по меньшей мере пять шестых населения столицы, — человек, кажется, пятьдесят полицейских солдат. Что можно сделать с такими средствами?

Общественная готовность содействовать

прекращению пожаров и вообще восстановлению спокойствия в столице — несомненна. В Выборгской части и в Гостином дворе она уже доказана на деле. В настоящем номере мы помещаем другое письмо г. А. Б., который в своем «Проекте образования охотничьих пожарных команд в С.-Петербурге», приложенном к его письму, развивает эту мысль.

От лица общества, спокойствие которого нарушено, просим начальство столицы немедленно допустить желающих поступить на настоящее тревожное время в полицейскую службу. Мы знаем, что капиталисты, люди с громким именем, люди в больших чинах и в лентах, ученые, литераторы, купцы, мещане с радостью готовы разделить труд измученной полиции; что они с полной готовностью готовы и стоять у будок, и сделаться хожалыми, караульными — дневными и ночными; словом, пойдут всюду, куда укажет им полицейское начальство...

Сознавая всю пользу для столицы от такой готовности, мы не сомневаемся, что мысль наша о принятии волонтеров в полицейскую команду не будет отринута.

Примечания

1

Глас вопиющего в пустыне (Лат.)

[^^^]

2

По сделанному распоряжению корреспонденция из С.-Петербурга в Ригу отправляется ежедневно с поездами, отходящими:

Получение Отправление

Из С.-Петербурга пополудни в.....

3 час.

В Динабурге пополуночи в.....

6 час. 9 "

" Риге пополудни в..... 4

"

Находится в пути 25 часов Обратно:

Получение Отправление

Из Риги пополудни в.....

3 ч. 30 м.

В Динабурге пополуд. в 10 ч. 30 мин. по-
полуночи 30 " " С.-Петербурге попол.
в..... 4 " 10 "

Находится в пути 24 часа 40 минут.

Но бывают случаи, когда поезда опаздыва-
ют; тогда корреспонденция получается в С.-
Петербурге через двое суток. (Примечание не
от редакции «Сев<ерной> пчелы»)

[^^^]

3

Строгость (буква) закона — верх несправедливости (Лат.)

[^^^]

4

В прежнем положении (Лат.)

[^^^]

Каждому свое (лат.)

[^^^]

6

Букв. — все мое ношу с собой (лат.). Здесь в смысле: (я настолько беден, что) все мое имущество со мной

[^^^]

Подобные ходоки от чехов из Америки отпра-
вились на днях из С.-Петербурга в Амурский
край

[^^^]

Следовательно (лат.)

[^^^]

9

Никакой философии — вот моя философия
(Нем.)

[^^^]

10

Человеку свойственно ошибаться (Лат.)

[^^^]

«Медицинская топография порта Ново-Архангельск» (Лат.)

[^^^]

Капитан-лейтенант Головин был командирован в 1860 году для обозрения русских колоний в Северной Америке и представил свой отчет Его Императорскому Высочеству генерал-адмиралу

[^^^]

До крайних пределов, донельзя (Лат.)

[^^^]

Надеемся, что под словом «надобность» автор
разумет оборону

[^^^]

Мы с этим не согласны. Опыт показывает, что плата отклоняет от учения, и в этом убеждена вся Швейцария и многие англичане, указывающие на причины превосходства швейцарских школ, а русские колонии в Америке еще далеко не в положении Британских островов.

[^^^]

Это основной пункт нашего несогласия с Г. Головиным. Компания имела время захватить лучшие промысловые места и извлечь из них огромные доходы. За что же теперь, по истечении 60-ти лет, они должны сделаться ее собственностью? Не понимаем; но знаем, что на дурные или худшие места трудно привлечь конкурентов, и компания снова останется монополисткою.

[^^^]

От всего сердца желаем, чтобы это предположение г. Головина встретило иную участь, чем прочие его благоразумные планы. Дозволять расторжку в портах и возбранять один вид вывоза значит создавать контрабанду. И доколе же Г. Головин думает тешить компанию привилегиями?

[^^^]

Неизвестная земля (Лат.)

[^^^]

Третъе сословие (франц.).

[^^^]

Она издана в русском переводе проф. Вальтером в Киеве и продается, кажется, по 50 коп. серебром у тамошнего книгопродавца В. Г. Барцевского. — Прим. Лескова.

[^^^]

Следовательно — Лат.

[^^^]